

A detailed oil painting of Napoleon Bonaparte in a dark green military uniform with gold embroidery. He is looking slightly to the left with a serious expression. The background is a neutral, textured grey.

Де Коленкур
Арман

НАПОЛЕОН

ГЛАЗАМИ ГЕНЕРАЛА
И ДИПЛОМАТА

Наполеон Бонапарт — гениальный полководец,
выдающийся политик, человек своей эпохи.

Жизнь великих мужчин (АСТ)

Арман де Коленкур

**Наполеон глазами
генерала и дипломата**

«Издательство АСТ»

УДК 929(44)
ББК 63.3(4Фра)-8

де Коленкур А.

Наполеон глазами генерала и дипломата / А. де Коленкур —
«Издательство АСТ», — (Жизнь великих мужчин (АСТ))

ISBN 978-5-17-096478-9

Наполеон Бонапарт – гениальный полководец, выдающийся политик, человек своей эпохи. Каким был его путь? Как проявился его талант полководца в ходе войны 1812 года? Какие существенные ошибки привели Наполеона к поражению в войне? Французский генерал и дипломат Арман де Коленкур сопровождал Наполеона в течение всей военной кампании. В его мемуарах день за днем описывается продвижение армии, победы и поражения, сомнения и тревоги Наполеона, сражение при Бородине, взятие Москвы и бегство Наполеона в Париж. Интересные факты и наблюдения, занесенные в записную книжку дипломата, предстанут перед читателями этой книги. Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 929(44)
ББК 63.3(4Фра)-8

ISBN 978-5-17-096478-9

© де Коленкур А.
© Издательство АСТ

Содержание

ГЛАВА I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Арман де Коленкур

Наполеон глазами генерала и дипломата

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ГЛАВА I

Посольство в Санкт-Петербурге

Предварительные замечания. – Вопрос о назначении Коленкура послом в Санкт-Петербург. – Коленкур отказывается. – Настояния Наполеона. – Коленкур назначен послом. – Эрфурт. – Разговор Наполеона с Коленкуром: германские и испанские дела, Польша, Австрия. – Эрфуртский конгресс. – Его цель. Взаимоотношения между двумя императорами. – Зондирование почвы по вопросу о браке Наполеона с русской великой княжной. – Возвращение Коленкура в Санкт-Петербург. – Просьба об отставке. – Отставка и возвращение во Францию. – Разговор с императором: Россия, Александр, угроза войны, Польша, Ольденбургское дело. – Коленкур в немилости у императора.

События, происходившие в Европе между 1807 и 1812 гг., имели огромное влияние на события, последовавшие за ними, ибо они отдали в руки России ключ к решению европейских судеб; я считал поэтому полезным сохранить касающиеся различных фактов заметки, которые я делал в то время.

Когда я начал вести свои записи, я не преследовал другой цели, кроме желания отдать себе отчет в своей жизни, в своих впечатлениях и своих поступках. Но потом эти заметки показались мне материалами, дающими необходимое дополнение к официальной части моей посольской корреспонденции и, может быть, даже к истории этой великой эпохи, ибо все, что относится к России, имеет для этой истории существенное значение, так как Россия в мировых делах занимала тогда первое место после Франции.

Моя цель будет достигнута, если эти заметки помогут также понять характер и политические взгляды императора Наполеона.

Мне думается, что его слова, его суждения, его размышления и даже его ошибки должны быть для его сына¹ лучшим руководством, а для публики единственным достойным этого великого человека объяснением тех событий, который она обсуждает и критикует, не зная их, но почти всегда несправедливо и недоброжелательно по отношению к великим заслугам тех, кому изменило счастье.

Конечно, читатели часто заметят, что энергичные выражения императора ускользнули из моей памяти, но те, которые знали его ближе, найдут, надеюсь, в моих записках знакомые им мысли императора и убедятся в неизменной добросовестности этих записок.

Перо человека, ведущего дневник, несомненно, не в состоянии справиться с такой темой, но намерение сохранить вместе с воспоминаниями о великих делах драгоценные материалы для истории должно снискать автору снисхождение читателя. Я до такой степени боялся быть льстецом, и мои взгляды в такой мере побуждали меня порицать политический курс и политические мероприятия той эпохи, что многие мои суждения, казавшиеся мне тогда беспристрастными, часто теперь кажутся мне скорее суровой критикой, чем рассказом дружественного повествователя. Тем не менее я с полной откровенностью передаю свои впечатления в том виде, какими они были тогда, предпочитая лучше подвергнуться нападкам, чем быть заподозренным в том, что я изменил записи, сделанные в эпоху, когда совершались эти события.

Я писал свои заметки всюду: в кабинете, на бивуаке, в любой день, в любой момент; они рождались во всякие мгновения. Я ничего не прикрашивал, ничего не замаскировывал, ибо хотя император проявлял порою человеческие слабости, тем не менее в нем чаще видели полубога. Я не раз говорил себе, что этот дневник, который я писал на глазах у императора, мог

---

¹ Сын Наполеона и Марии-Луизы – Франсуа Шарль Жозеф (1811–1832); Наполеон дал ему при рождении титул «Римский король»; после падения Наполеона он должен был жить при австрийском дворе под австрийским титулом герцога Рейхштадтского. Коленкур собирался посвятить ему свои мемуары.

бы попасть в его руки, но это соображение не останавливало моего пера. Это – ответ тем, кто утверждал, будто в царствование Наполеона нельзя было ни думать, ни говорить, ни писать и что правдивость вызывала его непримиримую вражду. Нет спора, правдивость лишала человека благосклонности императора, но, обладая возвышенным и твердым характером, он допускал всякую добросовестную критику, и так как мои записки представляют лишь правдивое повторение того, что я говорил ему на словах, то я был уверен, что он не посмотрит на них как на прегрешение, если только при опубликовании я не придам им характера упрека его политике и его славе.

В этом дневнике имеются и некоторые подробности, относящиеся ко времени, предшествовавшему моему пребыванию в Санкт-Петербурге; все они были записаны в то время, когда происходили соответствующие события. Если не все они представляют действительный интерес, то во всяком случае они все отличаются точностью. Многие из них показались мне необходимыми для того, чтобы объяснить различные обстоятельства моей карьеры государственного деятеля.

В жизни людей, обремененных общественными делами, как и в ходе самих событий, все связано друг с другом, все сцепляется звено со звеном и сливается с историей. Подробности необходимы, потому что они часто объясняют те обстоятельства, из которых рождались события. В силу простой необходимости мне приходится поэтому говорить и о самом себе. Так как Эрфуртский конгресс происходил в то время, когда я был послом в России, то я счел, что рассказ о нем составляет необходимую часть рассказа о моем посольстве. Записи, которые я с шепетильной точностью вел после приезда императора в Дрезден в 1812 г. и вплоть до его возвращения в Париж после похода в Россию, точно так же показались мне необходимым дополнением к первой части моих записок.

Если когда-нибудь читатель увидит эти страницы и найдет меня строгим, то я надеюсь, что при оценке моих записок он учтет те события, под влиянием которых я их набрасывал.

Многое пришлось, впрочем, вычеркнуть, так как если я и стремился быть правдивым и точным, то я прежде всего старался никому не повредить.

Все, что говорил император, я записывал словно под его диктовку, и легко видеть, что этот дневник является только наброском. В тех случаях, когда император кого-либо порицал, я привожу только те его слова, которые безусловно необходимы для исторической правды и для того, чтобы оттенить ценность его похвал.

Начиная с Тильзита², император хотел назначить меня послом в Россию. Лишь после моего второго отказа в Кенигсберге в Петербург был послан генерал Савари³, который тотчас же отправился туда на время, пока не будет назначен посол⁴. Я хотел в то время найти какой-нибудь повод, чтобы выйти в отставку и жениться⁵. Император, думая, что меня легче будет уговорить после моего возвращения в Париж, когда я увидаю моих друзей, которых он считал причиной моего отказа, несколько раз вновь говорил со мной об этом посольстве, по моему решению оставалось неизменным. Я даже не скрывал от генерала Дюрока⁶, которому император поручил уговорить меня, мое желание покинуть службу и отдохнуть. Дюрок в конце кон-

---

² Тильзитские переговоры происходили в конце июня и начале июля 1807 г.

³ Савари, герцог Ровиго (1774–1834) – генерал. В 1802 г. глава тайной полиции. После Тильзитского мира уполномоченный при российском дворе. В 1810–1814 гг. министр полиции. Неутомимый исполнитель приказаний Наполеона, которому был всецело предан.

⁴ Наполеон объявил Савари о его назначении письмом от 13 июля. Савари тотчас же отправился в Петербург, куда прибыл 23 июля.

⁵ Коленкур хотел жениться на г-же де Канизи, разошедшейся с мужем: в тексте он ее все время называет г-жа де К... Наполеон был против браков с разведенными.

⁶ Дюрок, герцог Фриульский (1772–1813) – гофмаршал Франции. С 1804 г. обер-гофмаршал. Был необычайно предан Наполеону, которого сопровождал во всех походах. Один из немногих, к кому был искренно привязан и Наполеон. С 1807 г. – герцог Фриульский. Убит под Бауценом в 1813 г.

цов сказал мне, что его величество требует, чтобы я принял это посольство хотя бы на шесть месяцев; он говорил, что это – единственное средство осуществить мой брачный проект; мое отсутствие уладит все; император даст свое согласие, и, пока я буду в Петербурге, все устроится к лучшему. Что же касается моих проектов отставки, то они казались ему недопустимыми, пока продолжается война. Император, говорил он, воспользуется этим как предложением для того, чтобы расстроить то, что мне хотелось бы наладить. При всей искренней любезности Дюрока мне удалось добиться от него только обещания пользоваться всяким благоприятным случаем для того, чтобы поговорить с императором о моих брачных проектах, хотя мой отказ от поездки в Петербург отнюдь не способствовал их осуществлению.

Император, видимо, в конце концов отказался от моей кандидатуры для этого посольства, так как несколько месяцев спустя он назначил туда графа де ла Форэ⁷. Граф закончил уже свои сборы и собирался выехать в Петербург в октябре, то есть в то время, когда ожидался в Париже российский посол Толстой⁸, как вдруг прибытие в Фонтенбло офицера для поручений Евгения де Монтескью с депешами от генерала Савари, при котором он находился в течение двух месяцев, внезапно изменило все расчеты императора и побудило его вернуться к своему первоначальному плану.

Монтескью приехал в девять часов утра. Император беседовал с ним полчаса, а затем отправился на охоту.

Отделившись от свиты, которая следовала за ним, император возобновил со мной свои разговоры о России.

– Савари, – сказал он мне, – хочет остаться в Петербурге, но он мне там не подходит. Он нужен мне здесь!... Он доказывает, что там нужен военный человек, который может посещать парады, человек, который своим возрастом, своими манерами, своими вкусами, своей откровенностью мог бы понравиться императору Александру и дипломатические приемы которого не подорвали бы доверия Александра. Монтескью сказал мне то же самое; мне нужен там человек хорошего происхождения, который своими манерами, своей представительностью и предупредительным обхождением с дамами и с обществом понравился бы двору. Монтескью говорил мне об этом откровенно. Дипломатическая важность де ла Форэ испугала бы императора и не понравилась бы двору. Александр сохранил благосклонное отношение к вам. Вы сможете сопровождать его повсюду. Вы будете, когда это окажется нужным, генералом или адъютантом и, когда это будет необходимо, послом. Там вершатся дела всего мира. Ключ к всеобщему миру находится в Петербурге. Надо ехать.

Не давая мне вставить ни слова, он начал подробно говорить об императоре Александре, о России, о донесениях генерала Савари⁹ и, не дожидаясь ответа, – так как он, по-видимому, не сомневался, что этот ответ едва ли будет более положительным, чем предыдущие, – дал шпоры лошади и замедлил аллюр только тогда, когда, оказавшись среди своей свиты, был уже уверен, то я не смогу ему отвечать. В конце охоты император снова заговорил о России, о том, что он называл моим смешным отвращением к делам, об услугах, которые можно оказать Франции, находясь при русском дворе, о необходимости иметь там человека прямого, далекого от всякой интриги и друга мира.

– От этого зависит, – прибавил он, – сохранение европейского мира. Вас удерживает в Париже прекрасная мадам де К...¹⁰. Но ваши дела, если вы хотите жениться, устроятся гораздо лучше на расстоянии, чем вблизи.

---

⁷ Ла Форэ был назначен послом в Петербург в августе 1807 г., но не выехал к месту назначения; с 1808 по 1813 г. был французским послом в Мадриде; в 1814 г. в течение месяца был министром иностранных дел.

⁸ Толстой Петр Александрович (1761–1844) – граф, сподвижник Суворова в польской кампании. В 1807–1808 гг. посол в Париже. Разгадал замысел Наполеона и предостерегал русское правительство. Отозван после эрфуртского свидания.

⁹ Монтескью доставил Наполеону доклад Савари от 9 октября.

¹⁰ См. ссылку 5.

Я привел несколько соображений – лучших, какие только могли прийти мне в голову, чтобы направить его выбор на других. Но он, по-видимому, меня не слушал. По возвращении во дворец император сказал, чтобы я пришел к нему в кабинет через секретарский вход немедленно после обеда. Продолжавшийся в течение часа разговор сводился к стараниям доказать мне, что я должен отдать себя на служение своей стране и своему государю, что я не могу отказаться от миссии, которая будет полезна для них и почетна для меня. Император сказал, что я проведу в Петербурге только один год, а за это время будет подготовлено все для моего брака, так что по возвращении я смогу осуществить свои желания.

Я удивлялся терпению и даже, я сказал бы, доброте императора, потому что мои упорные отказы и мои неделикатные «нет», заменявшие серьезные доводы, способны были привести его в бешенство.

На другой день¹¹ он вызвал меня с раннего утра и снова отчитывал, но я все-таки не дал своего согласия. Он отпустил меня раздраженный, и я думал уже, что выиграл свое дело, но через час Дюрок пришел ко мне и сказал, что император требует, чтобы я принял назначение. Я не сдался и думал, что император выберет теперь кого-нибудь другого, тем паче что накануне он рассердился на меня. Вечером у императрицы, где собирался двор, он подчеркнуто не сказал мне ни слова, но моя надежда была недолговечной.

На следующий день, во время большого «леве»¹², хотя он не сказал мне ни слова во время малых церемоний, император объявил, что избрал меня на должность посла в Петербург. Так как через четыре дня он должен был отправиться в Венецию и Италию¹³, то эта форма сообщения о моем назначении дала мне понять, к чему могли бы привести новые возражения. Я подчинился.

Часом позже император вызвал меня; его первыми словами было обращение ко мне: «Господин посол».

– Вы упрямец, – сказал он шутливо и потянул меня за ухо.

Повторив снова то, что он говорил во время предыдущих бесед, он приказал мне составить точные и ясные инструкции по моему ведомству в связи с его поездкой, а также инструкции, необходимые для того, чтобы работа моего ведомства¹⁴ не пострадала во время моего отсутствия. Он взял с меня слово, что я отправлюсь в Петербург через шесть дней после его отъезда, а пока приказал мне оставаться в Фонтенбло, чтобы мы могли обстоятельно переговорить о делах.

Тем временем приехал Толстой¹⁵. Его встретили с большой предупредительностью и обласкали, но при первом же разговоре император понял, что это человек, на которого нельзя подействовать любезностями; он сказал мне, что у Толстого есть предвзятые мнения и даже много предрассудков, хотя в то же время он обладает прямоотой и известной откровенностью. Он жаловался мне также, что Толстой недостаточно умен для того, чтобы понимать и обсуждать некоторые вопросы, что он недоверчив и что при таком настроении его деловая ценность невелика. Недоверчивость, которую Толстой действительно проявлял слишком заметно, говорила, что его нелегко в чем-либо убедить. Он понимал слишком буквально все то, что было сказано и обещано в Тильзите. Мало привыкший к делам, он чувствовал себя неловко на своем посту, чувствовал смущение на той великой сцене, на которой его заставили дебютировать. Да и события, разыгравшиеся потом, а также события, происходившие тогда в Испании, могли заставить призадуматься петербургское правительство и его посла.

---

¹¹ 2 ноября 1807 г.

¹² 3 ноября 1807 г.

¹³ Наполеон выехал только 16 ноября.

¹⁴ Коленкур состоял обер-шталмейстером двора Наполеона.

¹⁵ Толстой вручил свои верительные грамоты Наполеону 6 ноября в Фонтенбло и был принят 7 ноября в частной аудиенции, при которой вручил Наполеону личное письмо Александра I.

В Тильзите император Наполеон очень далеко пошел навстречу императору Александру. В своих словах и обещаниях он пошел гораздо дальше, чем хотел идти в политике, и был раздосадован, когда встретил педантичного человека, который принял за чистую монету все то, что ему твердили и, как говорил император Наполеон, был вырублен из одного куска.

– Этот Толстой, – добавил император, – пропитан всеми идеями Сен-Жерменского предместья и всеми дотильзитскими предубеждениями старого петербургского двора. У Франции он видит только честолюбие и в глубине души оплакивает перемену политической линии России, в особенности перемену по отношению к Англии. Быть может, он очень светский человек, но его глупость заставляет меня пожалеть о Моркове¹⁶. С тем можно было разговаривать; он разбирался в делах. А этот дичится всего.

Император не ошибался насчет предубеждений Толстого.

После отъезда императора в Италию я выехал в Россию¹⁷. Я не успел сделать никаких приготовлений. Будучи вынужден обратиться к дельцам, я весьма дорого оплатил их услуги. По моем возвращении оказалось, что г. Д..., которому я доверил свои интересы, обокрал меня самым недостойным образом. Мне пришлось вторично оплатить счет за серебро в размере 100 тысяч франков и много других счетов, по которым он не расплатился, хотя и получил соответствующие суммы. Этот господин стоил мне 200 тысяч франков.

После года пребывания в Петербурге я сопровождал императора Александра в Эрфурт, надеясь и даже будучи уверен, что я более не возвращусь в Россию. Во время пребывания в Эрфурте император Наполеон довольно часто разговаривал со мною о делах, но обрывал разговор всякий раз, как я пытался заговорить о моем возвращении в Париж. Когда я один раз был более настойчив, чем обычно, он сказал мне:

– Мы устроим это по окончании конгресса.

Когда приблизился этот момент, Дюроку снова было поручено убедить меня в необходимости вернуться в Петербург. Я напрасно ссылаясь на то, что мне было обещано продержать меня там только год.

Император не лишал меня надежды до самого последнего дня. А под конец в одно прекрасное утро он сказал мне, что я должен выбрать между министерством иностранных дел и моим посольством: я там полезен, надо там оставаться; при том положении, в котором находится Европа, сохранение отношений с Россией является гарантией мира, а сохранение этих отношений зависит от меня, потому что я нравлюсь императору Александру; Александр сказал ему об этом; он видит, что я внушил доверие императору Александру, и я могу покинуть свой пост лишь для того, чтобы принять на себя министерство; это единственное средство сохранить существующие хорошие отношения; Австрия проявляет враждебные намерения; только позиция петербургского правительства может поддержать мир на то время, пока он (император Наполеон) будет занят в Испании. Для этого нужно, чтобы никто не мог усомниться ни в намерениях императора, ни в сохранении союза между Францией и Россией, то есть необходимо, чтобы Европа верила в существование самого полного согласия между ними; наконец, он желает, чтобы я возвратился в Петербург еще и потому, что я буду там особенно полезен теперь, когда в Париж должен приехать Румянцев¹⁸ для переговоров по английским делам; если можно будет установить соглашение с английским кабинетом, то ему важно иметь при императоре Александре человека, которого Александр знает и который находится уже в курсе дела.

---

¹⁶ Морков Аркадий Иванович (1747–1827) – граф, известный дипломат екатерининского царствования; при Александре I с 1802 по 1803 г. был российским послом в Париже, «непочтительно» относился к Наполеону и был отозван по его настояниям.

¹⁷ Коленкур прибыл в Петербург 17 декабря 1807 г.

¹⁸ Румянцев Николай Петрович (1754–1826) – граф, старший сын известного екатерининского фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Министр иностранных дел в 1807 г., канцлер в 1809 г., известный библиофил. Его книжное собрание вошло в состав нынешней Российской государственной библиотеки в Москве.

С самого начала эрфуртского свидания император жаловался, что император Александр не разделяет его замыслов против Австрии. Он непрестанно говорил мне, что этот монарх переменился, что у него, по-видимому, есть какая-то задняя мысль, так как единственное средство помешать Австрии воевать и снова себя скомпрометировать – это поставить ее теперь же перед угрозой и показать решимость совместно выступить против нее; для достижения этого результата необходимо в первую очередь всеми способами оживить союз; нынешняя позиция Австрии подкрепляет надежды Англии на новую коалицию и удерживает ее от заключения мира; чем больше будут ждать, тем дольше будет продолжаться то стесненное положение, которое порождается войною с Англией; надо показать зубы Австрии, которая является последней надеждой Англии.

Разговор как на эту тему, так и об общих европейских делах возобновлялся несколько раз. Император, нисколько не обижаясь на мои возражения, как бы они ни противоречили тем идеалам, которые он хотел осуществить и которые он старался мне внушить, вызывал меня на откровенный разговор. Я часто указывал ему, что его настойчивые стремления побудить Россию занять агрессивную позицию против Австрии могут заставить Россию опасаться, что он решил отомстить Австрии еще до того, как его войска будут посланы в Испанию; это опасение и даже одно только сомнение на этот счет повредит его делам, тем более что император Александр, как мне кажется, решил сделать все, чтобы помешать этому; на мой взгляд, Александр больше всего заботится о сохранении мира с Австрией.

Я добавил еще, что, как известно по опыту, его величество всегда бывает готов бросить перчатку и не в меньшей мере будет готов поднять ее; его тайных намерений и его честолюбия боятся больше, чем какой-нибудь выходки со стороны Австрии; да и Россия думает, что она служит делу сохранения мира, проводя политику крайней сдержанности; на самом деле эта политика может повредить миру, вместо того чтобы поддержать его, если Австрия окажется достаточно безрассудной и пожелает вести войну в одиночку; принимая во внимание теперешнее положение вещей в Пруссии, Россия имеет достаточно оснований страшиться нашего влияния и даже бояться Австрии.

Я сказал еще, что наша настойчивость как раз способна увеличить это недоверие, и если император хочет оставить свои войска в Германии и в крепостях на Одере, то я его убедительно прошу не слишком останавливаться на этом вопросе, так как беспокойство Австрии может сообщиться и России, как бы она ни была заинтересована в союзе, цель которого – принудить Англию к миру. Эта цель полностью поглощает ее внимание как способ достижения прочного мира для всех; принудить Англию к миру – это и была так называемая великая идея Тильзита; эта благородная цель является основой союза, и вся политика императора Александра откровенно направлена на то, чтобы как можно скорее добиться ее осуществления, и именно для этого приносятся все те жертвы, на которые он заставил пойти свой народ; новую войну с Австрией нельзя изобразить как способ ускорить достижение этой цели, и один только призрак этой войны способен охладить пыл и повредить союзу; я прошу поэтому императора взвесить эти соображения, если он дорожит союзом, а также подумать о том, что нельзя надеяться заставить Россию желать того, чего она должна бояться; она считает, что ее соглашение с нами против Австрии, угрозы по адресу Австрии, а в особенности русская интервенция, дали бы его величеству возможность начать ту войну и разгромить Австрию, – результат, которого Россия боится больше всего.

Эти соображения, повторяемые при различных беседах, побудили меня заговорить и об испанских делах, в частности о том впечатлении, которое они произвели. Император ответил мне:

– Несомненно, там было стечение досадных, даже неприятных обстоятельств, но какое дело до этого русским? Испанские дела держат меня вдали от них: вот чего им надо; и они в восторге от этого. К тому же все интриги испанского царствующего дома не зависели от моей

воли; я вмешался в их дела только тогда, когда король и его сын примчались в Байонну¹⁹, чтобы изобличать друг друга. Я не принуждал Карла IV приезжать туда; он отрекся вполне добровольно. Что касается Фердинанда, то я не мог положиться на него, зная, как лицемерны и он сам и его советник, это было ясно, как только я их увидел вблизи. Ошибся ли я? Время ответит на этот вопрос. Действовать иначе значило бы упразднить Пиренеи. Франция и история справедливо упрекали бы меня за это. Да и на что в конце концов обижаются в Европе? Разве Франция, Англия и Голландия не разделили Испанию при живом короле Дон Карлосе в 1698 г.²⁰ Разве этот первый опыт современной дипломатии был встречен такой же горькой критикой? Разве отвращение к таким делам, которое должно было бы со всей своей силой заклеить этот первый пример, помешало другим разделам? Разве Польша не подверглась такой же жестокой участи? Позволили ли полякам, как байоннской хунте, дать стране конституцию и выбирать государя? Когда Людовик XIV принудил одного из наследников Карла V передать наследие этого государя династии Бурбонов, то чего только не говорили тогда. В самом деле, это надедало гораздо больше шума! Но после десятилетней войны одно сражение решило вопрос²¹. Теперешнее дело не будет продолжаться так долго. В политике все строится и все основывается на интересе народов, на потребности в общественном мире, на необходимом равновесии государств. Конечно, всякий объясняет эти великие слова на свой лад, и все же, кто сможет сказать, что я не действовал в интересах Франции и даже в интересах Испании? Может быть, скажут, что в политике только дураки не умеют приводить хороших доводов? Но на сей раз как дураки, так и добросовестные умники должны будут признать, что я сделал то, что должен был сделать при том положении, в которое интриги мадридского двора поставили эту несчастную страну.

Я говорил также с императором об осуществлявшейся им политической системе, о его позиции в Германии, о его образе действий по отношению к Пруссии, об оккупации всех крепостей на Одере и, наконец, о том направлении, в котором развивалась после Тильзита французская система в Германии. Я откровенно сказал ему, что каждый считает себя находящимся под угрозой, что страх заставляет молчать маленькие государства, а Австрия по существу прибегает к оружию лишь под влиянием того страха, который она испытывает так же, как и все; диверсия, которую представляют собой в настоящий момент события в Испании, бесспорно кажется Австрии единственным и последним моментом, остающимся ей для защиты своей независимости; война, которой она нам угрожает, при том состоянии, в котором Австрия находится, и при ее одиночестве после стольких поражений может быть только лишь войной отчаяния.

– Какой же проект мне приписывают? – спросил император.

– Быть единственным властелином, – ответил я.

– Но Франция достаточно велика! Чего я могу желать? Разве с меня недостаточно дел в Испании и войны против Англии?

– Этого бесспорно больше чем достаточно для того, чтобы занять кого угодно, кроме вашего величества. Но присутствие войск вашего величества в Германии, решение сохранить свои позиции на Одере – все это заставляет верить, признаюсь вашему величеству, я, со своей стороны, в этом убежден, – что у вашего величества есть другие проекты и честолюбие вашего величества не удовлетворено.

Император стал шутить насчет того, что ему приписывают честолюбие. Он пытался связать это мнение с войной в Испании, которую он старался оправдать. Он говорил о глупостях испанского короля, о бесчестном образе действий принца астурийского, о предшествовавшей войне с Австрией и о той войне, которой эта держава угрожает ему теперь, как о войнах, в

¹⁹ См. ссылку 270 об испанских делах.

²⁰ Раздел был произведен Гаагским договором от 11 октября 1698 г.

²¹ Наполеон имеет в виду сражение при Денене 24 июля 1712 г. в войне за испанское наследство.

которых он занимал чисто оборонительную позицию и которых он хотя бы просто в своих собственных интересах стремился избежать. Он сказал, что был увлечен на тот путь, по которому пошли события в Испании, вопреки своему желанию. Он жаловался на то, что он называл глупостью великого герцога Бергского²², которую, по его словам, можно было сравнить только лишь с глупостью испанского короля, принца астурийского и их советников. Он соглашался, что война с Испанией неприятное дело, но, говорил он, «не от меня зависело помешать этому».

– Очень простое дело, которое со временем уладилось бы, превратилось в дело, которое осложняет все вопросы и досаждаст мне гораздо больше, чем это думают. Я не мог включить в свои расчеты всего того, что сделали слабость, глупость, трусость и недобросовестность членов испанского царствующего дома.

Он говорил об отправке войск, которые покидали Германию для того, чтобы идти в Испанию, как о факте, который должен внести успокоение.

– Все очень довольны, – ответил я, – когда видят, как уменьшается численность войск; но их остается там еще слишком много для того, чтобы делать выводы, будто ваше величество изменили систему. К тому же люди не умеют правильно оценивать поступки, которые диктуются необходимостью.

Это соображение рассмешило его. Он несколько раз возвращался к вопросу об испанских делах, о враждебных намерениях Австрии, о заносчивости, которую та держава, по его словам, проявляет как раз в данный момент, так как она считает, что восстание в Испании поставило его в затруднительное положение.

– Один момент я думал, – сказал он, – что австрийский император приедет сюда. В его собственных интересах это было бы лучшее, что он мог бы сделать. Мы бы объяснились...

Я заметил императору, что австрийский император, как говорят, не был приглашен на эрфуртское свидание, о котором он узнал только из газет.

– Какое это имеет значение, если есть решимость и если знают, чего хотят? Но именно этого в Вене не знают. Венский кабинет хочет только возбуждать беспокойство; в результате вооружаются, угрожают друг другу, расходуют деньги, раздражаются, и приходится прибегать к пушкам. Спора нет, я вполне доволен, что австрийский император остался дома, так как мне пришлось бы вразумлять здесь двух противников вместо одного. Но он не приехал, потому что он готовится к войне; он не знал бы, как ему объяснить свои вооружения. Для государя всегда затруднительно лгать прямо в лицо. Он предоставил эту задачу Винценцу²³, которому, впрочем, не придется жаловаться на мои нескромные вопросы, так как я знаю, какой линии мне надо держаться. Уверены ли вы, – спросил меня император, – что приезд Винцента не согласован с Румянцевым и что нет какого-то соглашения, уверены ли вы, наконец, что в связи с этим приездом не возникнут некоторые предложения, некоторые проекты, касающиеся Пруссии?

Эта мысль, по-видимому, сильно беспокоила императора. Я уверял, что его сомнения не имеют оснований, что русские были действительно изумлены, когда увидели здесь Винцента, что петербургский и венский кабинеты в данный момент переживали скорее период обострения отношений, чем период взаимного доверия; что же касается Пруссии, то Россия, конечно, весьма заинтересована в ее судьбе; ее собственное положение требует этого.

– Александр, – продолжал император, – заинтересован прежде всего в заключении мира с Англией. Если бы австрийский император приехал сюда, то его присутствие было бы полезно, поскольку оно придавало бы больший вес тому демаршу, который мы предпримем по отношению к лондонскому кабинету; но при его проектах ему должно быть неудобно принимать на себя обязательства против тех, кто в близком будущем будет, конечно, его субсидировать...

---

²² Один из титулов маршала Иохима Мюрата (1771–1815), который 2 мая 1808 г. был назначен французским наместником в Испании. Мюрат, король Неаполитанский, непреременный начальник кавалерийского авангарда в наполеоновских походах.

²³ Барон Винцент прибыл в Эрфурт 28 сентября с письмом от австрийского императора к Наполеону и Александру.

Я сказал императору, что впечатление, произведенное в Европе похищением Фердинанда, может вызвать как в Вене, так и в Петербурге опасение, как бы император не разыграл плохой фокус с теми государями, которые приедут в Эрфурт.

– Ба! Вы думаете? – сказал император. – Австрийскому императору помешал приехать другой мотив. Он послал Винцента, чтобы разведать намерения Александра и выяснить, твердо ли он придерживается союза или же его можно отколоть от него. Надо присматривать за его демаршами. Так как австрийцы еще не готовы и так как их коалиция еще не налажена, то они хотят выиграть время. И я тоже, – оживленно продолжал он, – хочу выиграть время. Мы, следовательно, хотим одного и того же; это будет продолжаться, пока окажется возможным.

Постоянный припев императора заключался в том, что если Александр является его другом, то Россия должна откровенно идти вместе с ним и совместно выступать против Австрии, не думая о Германии, а тем паче об Испании.

Во время последних бесед со мною император распространялся о своих умеренных и миролюбивых планах по отношению к Германии; он проявил даже большое желание успокоить Австрию и найти подходящий способ для этого. Отвечая на мои рассуждения, которые он шутя назвал критикой своих идей, он сказал:

– Но в чем же заключаются ваши идеи? Какие средства применили бы вы для успокоения этих добрых людей, которых вы считаете такими перепуганными?

Часто император напускал на себя добродушный вид, который мог бы заставить меня поверить, что он решил переменить систему и чувствует необходимость усвоить более умеренную линию. Так как на сей раз он добивался, чтобы я высказал свое мнение, и так как я никогда не заставлял себя просить, чтобы откровенно высказать то, что я считал справедливым и отвечающим интересам как императора, так и моей страны, то я сказал ему, что эти средства заключаются в финансовом соглашении с Пруссией, точно определяющем размер тех жертв, ценою которых она восстановит свою независимость и свою территорию, получив при этом гарантию, что от нее не потребуют больше того, к чему ее принудили в Тильзите.

– Удалите ваши войска из Германии, государь, – прибавил я, – удержите только одну крепость в качестве гарантии уплаты контрибуции, и мир будет сохранен.

Я указал ему, что Европу надо скорее успокоить, чем запугать; все, что он сделает, чтобы рассеять опасения по поводу его будущих проектов, упрочит его дело, умиротворив умы и устранив всякое беспокойство за будущее; такой политический оборот даст ему больше, чем армия в 100 тысяч человек и десять крепостей на Одере, а следовательно, оставит в его распоряжении все силы, чтобы справиться с Испанией и с честью ликвидировать испанский вопрос прежде, чем восстание примет там организованный характер. Я обращал его внимание на то, что испанские дела производят дурное впечатление; длительное сопротивление со стороны испанцев – опасный пример при том состоянии, в котором находится Европа; мое предложение покажется ему, быть может, требующим большой жертвы, но результаты, которые будут достигнуты таким путем, заслуживают того, чтобы он сделал это всецело по собственной инициативе и еще до тех пор, как обстоятельства, быть может, примут такой оборот, что его вынудит к этому необходимость.

Император частично признавал справедливость моих замечаний, которые он называл, однако, «системой слабости». Он возразил, что таким путем он потеряет плоды всех жертв, уже принесенных для того, чтобы ослабить Англию, и что надо закрыть все порты для торговли этой державы, чтобы заставить ее признать торговую независимость других держав. Я ответил, что можно удалить войска и эвакуировать несколько крепостей, не удаляя таможенников; концентрация его военных сил даст ему еще большую мощь; в слабости его никогда не заподозрят, и так как никому не хочется, чтобы он вторгся в Германию с двумя- или тремястами тысяч человек, то никто и не пожелает подвергнуться такой опасности ради минутной выгоды,

связанной с сопротивлением таможенному режиму, а его интересы требуют сохранения этого режима на побережье.

Император слушал меня по большей части благосклонно, но иногда с нетерпением. Он не раз говорил мне, правда, в шутиливом тоне, что я ничего в делах не понимаю.

– Именно поэтому, государь, я и прошу о назначении мне преемника.

Император не очень был доволен этим ответом и сказал мне с раздражением, повернувшись ко мне спиной:

– Господин посол, надо отдавать себя прежде всего своей стране.

В тот же день вечером Дюрок пришел ко мне по поручению императора, чтобы объявить мне его волю. Он напомнил мне, что император хотел поручить мне министерство еще при установлении империи, и напомнил также то, что ему поручено было тогда сказать мне. Он добавил, что я не должен поэтому удивляться, если император имеет виды на меня теперь, так как мое вступление в министерство успокоит и удовлетворит Россию, позволив мне в то же время возвратиться домой; впрочем, император предоставляет мне самому сделать выбор: принять министерство иностранных дел или вернуться в Петербург. Я отказался от министерства. Я рассказал Дюроку о своих беседах с императором, в частности о сегодняшней беседе и о том, как она закончилась, причем спросил Дюрока, говорил ли ему об этом император. Он уверял меня, что нет; император только жаловался, что я слишком упорно держусь моих взглядов, добавив, что если верить мне, то Европа скоро будет относиться к нему как к мальчишке.

Накануне отъезда, когда должны были быть окончательно завершены все дела, император вызвал меня снова. Разговор начался, как и в предыдущие разы²⁴. Император пустил в ход все обаяние своего гения и всю ту любезность, которой он так умел пользоваться, чтобы убедить меня в правоте его взглядов. Он сказал, что всецело доверяет мне, что я лучше кого бы то ни было могу сослужить ему хорошую службу и при случае я буду награжден за это. Чтобы угоризовать меня ехать в Петербург, он сказал все, что только могло убедить честного гражданина. Мне не приходилось колебаться в выборе; я считал, что могу принести там пользу, а, с другой стороны, личные свойства императора Александра внушили мне привязанность к нему.

До сих пор я говорил только о моих беседах с императором, то есть о том, что так или иначе касалось меня непосредственно. Но так как я не чужд был тому, что делалось на Эрфуртском конгрессе, то мне следует рассказать и о том, что там происходило. Однако для того, чтобы читателю был понятен этот рассказ, надо начать его несколько издалека и прежде всего охарактеризовать политическое положение каждого государства в ту эпоху.

Поводом к эрфуртскому свиданию²⁵ – свиданию, которое составило эпоху, потому что послужило прологом к встречам монархов, правивших Европой после 1814 г., – была очевидная общая цель, а именно подлежащие согласованию меры, которые должны были принудить Англию к миру (это был вывод из того, что называли великой идеей Тильзита); эта цель требовала, чтобы государи непосредственно пришли к соглашению друг с другом и виделись ежегодно.

После Тильзита в Европе произошло столько событий и мировые интересы подвергались в некоторых отношениях такому риску, что каждый приехал на свидание, чувствуя необходимость скрывать свои затруднения, свои беспокойства и свои тайные проекты, относящиеся к будущему; но вместе с тем каждый чувствовал в неменьшей мере и стремление к всеобщему миру, который один только мог восстановить на лучшей основе Европу и привести все в порядок.

---

²⁴ Эрфуртская конвенция была подписана 12 октября; Наполеон и Александр покинули Эрфурт 14 октября; разговор, о котором пишет Коленкур, происходил, очевидно, 13 октября.

²⁵ Коленкур считает тильзитское и эрфуртское свидания началом международных конгрессов XIX века.

События в Испании, вместо того чтобы возродить эту страну и усилить преобладание императора Наполеона, как он рассчитывал, в действительности создали для него лишь многочисленные затруднения.

Австрия, усматривая в этой войне и в образе действий Наполеона по отношению к испанской династии посягательство на независимость всех древних династий, готовилась взяться за оружие, считая, что если Испания будет покорена, то погибнет и она сама. Ей казалось, что наступил последний момент для спасения, что она делает политическую диверсию, выгодную для нее и диктуемую задачами ее самосохранения. Эти взгляды, хотя бы они были только лишь проектом, не могли укрыться от проницательности императора Наполеона и в настоящий момент ставили его в затруднительное положение.

Общественное мнение в Европе и даже во Франции расценивало испанские дела как политическое посягательство против слабого, обманутого и неловкого союзника. Эти события были мало известны; о них толковали лишь неблагожелательные люди, присоединявшие к своим упрекам утверждение, что эта новая война еще больше отсрочит заключение мира с Англией, которого жаждали все, так как война с Англией служила предлогом для оправдания всех жертв. При таком положении вещей императору Наполеону важно было воздействовать на общественное мнение фактом своего полного согласия с Россией; это согласие должно было, с одной стороны, произвести впечатление на Австрию и внушить Англии менее враждебные мысли, а с другой – явиться в глазах публики как бы санкцией зарубежных событий; такая санкция была весьма полезна в тот момент, когда в нашем тылу росло всякого рода недовольство. Доказать Европе, что только одна Англия отказывается от мира и продолжает проводить систему истребления континентальных государств, это значило бы расположить общественное мнение в пользу императора. Чтобы добиться этой цели, надо было сделать шаг, который показал бы, кто именно все время отказывается от мира, а чтобы придать этому шагу черты большого события, нужно было свидание монархов.

Так как испанские дела приняли дурной оборот и война в Испании не окупалась за счет этой страны, то император, принужденный порыться в своих собственных сундуках, стремился поскорее покончить с нею. Вынужденный делать новые наборы и даже отправить в Испанию большую часть войск, находившихся в Германии, он мог поддержать свое влияние в Германии лишь продолжая оккупацию крепостей и части территории. Но Россия была в такой мере заинтересована в удалении французских войск от ее границ и, следовательно, в эвакуации территории дружественной Пруссии, что это обстоятельство превращало продолжение оккупации прусских крепостей в весьма деликатный вопрос²⁶. Только император Наполеон мог в данный момент дать согласие на то, чего потребуют обстоятельства, и даже отказаться от своих проектов по отношению к Испании, если бы эти соображения и пример Англии вызвали колебания у России. Какое другое влияние, кроме влияния его гения, его славы и его великих политических взглядов, могло бы добиться результата, столь противоположного интересам России?... Кто мог бы сделать такую попытку, не боясь внушить беспокойство русскому правительству и даже отколоть его от союза как раз в тот момент, когда его содействие было так необходимо? Именно под влиянием этих важнейших соображений император поехал в Эрфурт.

Русский же император, отправляясь туда, преследовал свои цели. Они были различны, так как и затруднения были различного рода. Это путешествие являлось выполнением обязательства, принятого им на себя в Тильзите. Для государя с его характером данное им слово являлось долгом. Различные интересы, кроме того, призывали его на это свидание. Первый из них заключался в том, чтобы всеми средствами ускорить заключение мира с Англией, война с которой разорила его внутреннюю торговлю и губила его валюту. Он хотел также, чтобы его

²⁶ По статье 4 Тильзитского договора Наполеон обязался возвратить Пруссии «области, города и территории», перечисленные в тексте договора, «во внимание к его величеству императору всероссийскому».

не торопили с эвакуацией провинций на Дунае, все еще занятых его войсками (Тильзитский договор позволял ему оккупировать их лишь до заключения мира с турками и до эвакуации Францией части прусской территории)²⁷. Во-вторых, – и это его интересовало не менее – национальное самолюбие России, а вместе с тем и его личное самолюбие требовало, чтобы в Москве не могли твердить, что Тильзитский мир и союз означают для России одни только жертвы. Он хотел также добиться эвакуации части крепостей и территории Пруссии, снижения контрибуции и предоставления льгот по уплате ее, а также заключения таких соглашений, при которых эта держава могла бы действительно освободиться и вновь обрести всю свою независимость; это был важный вопрос, имеющий значение для безопасности самой России.

Россия молчала об испанских делах которые император Александр обсуждал в своих беседах довольно благожелательно по отношению к своему союзнику, так как он знал все их подробности. Он к тому же отнюдь не был недоволен тем, что воинственный пыл императора был поглощен Пиренейским полуостровом. В политике интерес объясняет и даже узаконивает очень многое. А заинтересованность Англии в том, чтобы вырвать Испанию из-под нашего влияния и спасти Португалию, казалась ему мощным средством для достижения мира. С этой точки зрения события служили, таким образом, интересам России столь же, как и нашим. Только мир с Англией мог гарантировать всеобщий мир, и поэтому политика Александра отлично уживалась при данных обстоятельствах с тем, что, быть может, в глубине своей совести он оценивал менее благоприятно. Таковы были те планы, с которыми петербургское правительство явилось в Эрфурт.

Австрия была раздражена тем, что ее не посвятили в эти проекты эрфуртского свидания, тем паче, что ее нельзя было обмануть насчет мотивов такого молчания. Этот довольно подходящий предлог к недовольству был на руку ее секретным проектам. Император Наполеон, конечно, мало беспокоился о том, чтобы император Франц принял участие в эрфуртских переговорах. Он сознавал, что контакт с северным государем сможет восстановить отношения, которые надо было немедленно завязать вновь, а вмешательство интересов других великих держав может лишь ослабить эти отношения. О свидании молчали до последнего момента, и когда Австрия узнала о нем одновременно с публикой, она поторопилась послать в Эрфурт барона Винцента, чтобы позондировать почву насчет имеющихся намерений и войти, таким образом, в курс тех решений, которые будут приняты. Неуклюжая спесь австрийского правительства и страх перед возможной нескромностью со стороны русских заставили Винцента соблюдать по отношению к русским сдержанность; его побуждала к этому и та сдержанность, которую соблюдала сама Россия из внимания к нам, но которая в такой же мере плохо служила европейским интересам, – а отстаивать их должны были бы и Россия и Франция, – в какой она делала честь лояльности императора Александра.

Как я уже говорил, намерения, которые Австрия проявляла в течение некоторого времени, должны были казаться и действительно казались императору Наполеону более чем подозрительными. Когда приехал австрийский уполномоченный, то император думал, что под этим скрывается соглашение, существующее между Австрией и Россией, но вскоре он успокоился, и этот непредвиденный приезд, который должен был бы внушить петербургскому правительству более твердый тон, имел, как мы увидим, совершенно обратный результат.

С самого начала между обоими императорами установились самые дружеские отношения, свободные от этикета. Они посещали друг друга во всякое время по преимуществу между тремя часами дня и обедом, который происходил обыкновенно у императора Наполеона. Часто они встречались по вечерам, когда не было спектакля, или же после спектакля. Эти встречи также происходили чаще у императора Наполеона. Они ездили верхом и устраивали смотры гарнизона и нескольких корпусов, отправлявшихся в Испанию.

---

²⁷ Статьи 22 и 24 договора.

Первые несколько дней ушли на то, чтобы взаимно позондировать друг друга, попытаться определить, выяснить предположения и проекты друг друга. Император Наполеон уже не находил своего союзника таким покладистым, как в Тильзите. Он жаловался на то, что Александр сделался недоверчивым. Проявленные Австрией враждебные намерения с самого начала конгресса изменили характер переговоров и отвратили Россию от ее целей: чем больше император Наполеон, спешивший послать в Испанию свои войска, находившиеся в Пруссии, домогался предварительно выяснить, до каких пределов он может рассчитывать на союз и на помощь России против Австрии, чем более он настаивал в соответствии с этим, чтобы император Александр принял по отношению к этой державе угрожающий тон и занял по отношению к ней даже угрожающую позицию, что было, по его словам, единственным средством помешать ей взяться за оружие, тем больше русское правительство, усматривавшее в демонстрациях, которых от него требовали, средство довести дело до крайности, проявляло свою неохоту. Отсюда оживленные споры, которые задерживали разрешение других вопросов. В течение некоторого времени все было подчинено этой проблеме. Дело дошло даже до упреков, указывавших, что неуместная щепетильность, оставляя безнаказанными угрозы со стороны Австрии, делает союз бесплодным и убеждает Англию, что она еще может найти союзников на континенте и может обойтись, следовательно, без переговоров о мире, который ей намеревались предложить.

Император Александр оставался непоколебимым. Ничто не могло заставить его изменить свое решение. В доводах и в настойчивости своего союзника он видел только лишнее доказательство враждебных намерений и проектов мести, в которых он его подозревал. Вопрос об интересах Пруссии и другие вопросы нелегко было затронуть в разгаре этих серьезных споров. Время проходило. Дело не двигалось вперед. Министры не могли помочь ничем, так как монархи сохранили за собой руководство делами даже в деталях.

Прошла неделя, а каждый из императоров все еще зондировал почву, стараясь выяснить, до каких пределов доходят претензии его противника, но не будучи в состоянии полностью постигнуть их. Они наблюдали друг за другом, надеясь, что завтрашний день принесет разрешение всех проблем. Император Наполеон прилагал все старания к тому, чтобы добиться обязательств, которые оказали бы воздействие на Австрию. За эту цену он, при всем своем желании сохранить в Германии существующее положение, удовольствовался бы, может быть, в принципе сохранением лишь одной крепости на Одере в качестве гарантии уплаты контрибуции. А излишек своих войск он тогда удалил бы из Германии.

Будучи лучшим дипломатом, чем его противник, он почти примирился с мыслью об этой жертве при виде той настойчивости, с которой император Александр добивался вначале эвакуации крепостей и части прусской территории. Но когда вопрос об Австрии, который в принципе имел лишь побочный характер, сделался главной проблемой в связи с тем значением, которое ему придавал каждый из императоров, то центр тяжести переговоров переместился. Россия отклонилась от своей первоначальной цели. Все было подчинено страху перед возможностью разрыва мира с Австрией. Император Наполеон сохранил крепости, которым он придавал большое значение. А Россия считала, что она послужила интересам Европы, хотя бы в ущерб своим собственным интересам, и выиграла все, приняв на себя всего лишь условное обязательство, которое, с ее точки зрения, не могло компрометировать ни Австрию, ни европейский мир, так как из него вытекало, между прочим, что французские армии обрушатся на Испанию, где император Наполеон будет занят надолго. Россия боялась, что, настаивая слишком упорно на эвакуации крепостей, она помешает отправке французских войск в Испанию и привлекает политическое внимание завоевателя к Германии как раз в тот момент, когда оно было уже слишком сильно приковано к Австрии; она считала, что если отсрочить грозу подольше, то гроза пройдет, и события в Испании, а также потребности испанской войны приведут через несколько месяцев к эвакуации Германии, а это, по мнению России, имело самое важное значение для будущего всеобщего мира.

Неловкое притворство Австрии, как я уже говорил, разрушало доверие к ней. Открытое обращение к императору Александру, декларирование широких и благородных взглядов по вопросу о судьбе Пруссии и о положении Германии оказало бы полезное влияние на политику этой эпохи; но Австрия, занимая столь угрожающую и столь неуклюже враждебную позицию и уже решившись столь определенно на войну, не сумела воспользоваться моментом. Она, по-видимому, думала только о себе и считалась только с Испанией, которая при наличии острой и актуальной опасности для Пруссии лишь весьма отдаленно интересовала Россию. А Россия, вероятно, не без тайного удовлетворения, видела, что военные силы Франции призываются на юг Европы и находят применение там.

Эта неловкая линия австрийского правительства повредила всем делам. Винцент был тем не менее доволен, или по крайней мере должен был быть доволен, результатами своей миссии, так как он приобрел уверенность в том, что император Александр по своей собственной инициативе отказывался от всякого обязательства, которое могло бы привести к агрессии против Австрии, и даже энергично высказался за то, чтобы против этой державы не делалось никаких посягательств. Я не знаю, осталась ли неизвестной Винценту условная статья о сотрудничестве, а также согласие Франции на то, чтобы Россия добилась, если она сможет, уступки ей Молдавии и Валахии²⁸. В день моего отъезда кто-то уверял меня, что Винцент пронюхал об этом соглашении и был, по-видимому, очень им недоволен, как будто опасность для Австрии и для Европы при тогдашнем мировом положении могла таиться в этот момент в Турции, даже если бы России удалось добиться успеха. Император Александр, оказав длительное сопротивление по вопросу об Австрии и считая, что, приняв на себя лишь условные обязательства, он отстоял величайшие политические интересы данного момента, обратил затем все свое внимание на то, что интересовало его больше всего.

И государи, и министры, и оба двора начали скучать и уставать от всех парадов, а в особенности от бесконечных споров. Споры между императорами часто принимали резкий характер. Наполеон пробовал быть ловким, уступчивым, обаятельным, порою настойчивым и, видя, что он не может ничего добиться от своего противника, все время остававшегося в очерченном им для себя круге, два раза пробовал рассердиться. Но это средство ничего не изменило в решениях Александра, а так как вспышки гнева со стороны Наполеона были скорее дипломатической хитростью, чем действительным порывом, то он быстро успокаивался и возвращался к более мирному тону.

В конце концов он удовольствовался тем, чего ему удалось добиться; по существу это было гораздо больше того, на что, по его мнению, можно было принципиально рассчитывать. В глубине души он был очень доволен, что при созданном событиями в Испании положении вещей ему удалось придать эрфуртской встрече и союзу явную антианглийскую окраску при помощи соглашения о демарше, который собирались предпринять с целью предложить Англии мир. Было условлено: государи напишут английскому королю, Румянцев приедет в Париж, и будет предпринят большой политический демарш; это было то, чего император Наполеон желал и – я повторяю – должен был желать, так как это доказывало существование большого согласия между союзниками, отвлекало внимание от испанских событий и возлагало всю ответственность за продолжение войны на Англию, ибо теперь легко было предвидеть, что осложнение событий в Испании в результате восстания, которое во всех отношениях было выгодно Англии, сделает эти предложения безрезультатными²⁹.

Соглашение двух императоров заставляло и Австрию насторожиться и отсрочить свои проекты.

²⁸ Статьи 8 и 9 Эрфуртской конвенции.

²⁹ Статьи 1 и 3 конвенции.

Швеция также должна была оказаться вынужденной примкнуть к континентальной системе, то есть к единственному оружию, которым располагали против Англии; это дополняло меры, условленные в Тильзите, и являлось результатом того положения, в которое поставили Европу эгоизм Англии и проекты Питта, сводившиеся к вой не на жизнь, а на смерть. Конечно, с точки зрения прозорливой политики нелегко было отдать Швецию, а следовательно, и Финляндию, на произвол ее честолюбивого и могущественного соседа, но такова была логика фактов³⁰.

Континентальная система могла быть эффективной лишь в том случае, если бы она была повсеместной. Оставить для английских товаров рынок сбыта на севере значило бы парализовать все другие меры и превратить в иллюзию все уже принесенные жертвы. Уже слишком явно ощущался ущерб, причиненный тем, что не удалось закрыть для этих товаров двери Турции, которая наводняла ими южную Германию и Польшу. Да и какая щепетильность должна была останавливать императора Наполеона? Здравое рассуждая, мог ли он предполагать, что Швеция, в случае если ей предоставят по собственному выбору закрыть свои порты перед англичанами или ввязаться в войну с Россией и Францией, предпочтет эту последнюю столь реальную и столь близкую к ней опасность временным неудобствам, вытекающим из торговых затруднений, которые испытываются к тому же всем континентом и даже Австрией, несмотря на ее враждебные намерения? Даже допуская, что король в порыве раздражения доведет дело до крайности, должен ли был император проявить к Швеции, которая была тогда его явным врагом, больше внимания, чем проявила к ней когда-то Англия, ее союзница?

Прежде чем возвратиться к рассказу о том, что происходило в Эрфурте, я считаю необходимым отметить еще некоторые подробности, касающиеся договора о согласии, договора, весьма замечательного, поскольку он разоблачал те принципы, которые отныне Англия считала нужным установить в своих интересах и которые она заставила Европу положить в основу миротворения 1814 г.

Этот договор о согласии, явившийся результатом предварительных шагов и предложений, сделанных 19 января, был подписан в Петербурге 11 апреля. Одна из статей договора обеспечивала за Россией Финляндию, Молдавию и Валахию. Другие статьи провозглашали независимость Голландии, объединенной в виде Нидерландского государства, независимость Швейцарии, восстановление сардинского короля в Пьемонте с расширением пьемонтской территории, эвакуацию Италии, передачу Неаполя Бурбонской династии, и, наконец, договор провозглашал так называемый европейский статут, гарантирующий независимость всех государств и создающий преграду для всех будущих попыток узурпации.

Когда я перечитываю теперь свои заметки, чтобы привести их в порядок, я никак не могу написать эту дату, не вспомнив о другой, последующей дате (11 апреля 1814 г. – договор в Фонтенбло³¹), которая положила конец великой эпохе и дала возможность осуществить этот план, до тех пор, несомненно, казавшийся лишь мечтой, родившейся в 1805 г.

Возвращаясь к Эрфурту. Так как положение вещей требовало, чтобы Швеция участвовала в общем деле всего континента, то было очевидно, что ввиду географического положения России на нее одну должна быть возложена задача принудить Швецию к этому. При том положении, в котором находился император, он не мог надеяться, что Россия возьмется за оружие, не потребовав всех преимуществ, которых она могла домогаться при создавшихся обстоятельствах. К тому же в интересах дела он не мог ей предложить меньше того, что предлагала ей Англия в своих собственных интересах. В этой части переговоров была некоторая особенность, заключающаяся в том, что Россия заставила себя просить и убеждать, прежде чем согласилась

³⁰ Статья 5 в качестве неперемennого условия возможного мира с Англией предусматривала признание присоединения Финляндии к России.

³¹ Отречение Наполеона от императорской власти, подписанное в Фонтенбло.

принять на себя обязательства против Швеции; то же самое она сделала и потом, когда надо было действовать и развертывать военные операции. Секрет этой умеренности заключался, разумеется, не столько в некоторых родственных отношениях, с которыми желательно было по внешности считаться, сколько в уверенности, что император Наполеон будет настаивать и толкать Россию достаточно энергично для того, чтобы эти родственные деликатности не нанесли никакого ущерба ее интересам.

В Эрфурте переговоры, хотя и не приблизились еще к концу, приняли, таким образом, оборот, который мог бы оказаться подходящим для императора Наполеона. Убедившись в конце концов, что ему не удастся изменить тех взглядов, к которым пришел император Александр, и что он не сможет добиться от него ничего сверх обещания действовать только в том случае, если Австрия нападет первой, он согласился удовольствоваться этим. Когда был сделан этот шаг, стало уже легче прийти к согласию по другим пунктам, так как император Александр думал, что он выиграл все, ибо Австрия никогда не будет, как он говорил, настолько безрассудной, чтобы напасть и вступить в борьбу в одиночестве. Австрийский вопрос, вызвавший столько споров, почти заставил забыть вопрос об эвакуации Пруссии и крепостей на Одере; сговориться по этому вопросу оказалось легко, и император гордился тем, что он ничего не уступил; опираясь на сильные позиции, которые он сохранял в Германии благодаря дальнейшей оккупации крепостей (свидетельствуя о полном согласии между высокими союзниками, это должно было произвести к тому же впечатление как на Австрию, так и на всю Европу), он мог теперь располагать своими войсками для Испании. Он льстил себя надеждой, что покорит ее в течение одной кампании, а потом оставит там разве лишь несколько гарнизонов и три небольших обсервационных корпуса. Полагаясь на обещания своего союзника, он отправлял постепенно французские войска на Пиренейский полуостров еще до того, как были урегулированы все вопросы, и некоторые из полков, двигавшихся в Испанию, проходили через Эрфурт.

При тогдашнем положении императора сохранение крепостей на Одере было делом решающего значения, потому что с помощью простых гарнизонов он сохранял свои позиции в Пруссии и свой политический и военный престиж в глазах Германии. Эта оккупация имела также большое преимущество (в тот момент он придавал ему наибольшее значение), заключавшееся в том, что он сохранял кадровое ядро армии на флангах Австрии. Затем были урегулированы вопросы о Швеции и о Турции. И Россия в конце концов удовольствовалась в прусском вопросе кое-какими смягчениями и скидкой нескольких миллионов, что не имело, по существу, никакого значения, поскольку Пруссия не приобретала вновь ни политической, ни территориальной независимости. А к тому же эти денежные вопросы обсуждались только в последние минуты, когда конгресс до такой степени надоел, что каждый думал лишь о том, как бы убраться отсюда. Перед Россией была перспектива добиться уступки ей Молдавии и Валахии и даже перспектива завоевать Финляндию. Эти соображения играли, несомненно, большую роль, в особенности принимая во внимание положение императора Александра по отношению к его нации; вместе с теми соображениями, которые заставили его принести все интересы в жертву тому, что он считал спасением Австрии, эти мотивы заставили его упустить из виду последствия, к которым неминуемо должна была привести оккупация французскими войсками укрепленных пунктов в самом сердце Германии.

Император Наполеон мог послать часть своих войск в Испанию и отправиться туда сам, не уступив, по существу, ничего из того, что было им оккупировано, и из того, что ему причиталось. Таким образом, и одна и другая стороны были в достаточной мере довольны. Австрия, которая угрожала императору Наполеону, когда он был в Испании, сама оказывалась под угрозой со стороны России, если бы она взяла на себя инициативу войны; император Наполеон не потерял, следовательно, времени даром.

Бесспорно, чтобы оплатить уступки России, он предложил ей немало соблазнительных для ее престижа вещей; но этой ценой он откупался от двух войн, из которых одна могла,

конечно, быть приятной для его честолюбия, но зато другая – война с Англией – стоила бы ему слишком дорого, а к тому же в данный момент ни одна из них не была в его интересах. В перспективе была также и третья война, если бы Швеция отказалась примкнуть к континентальной системе. Россия оказывалась, таким образом, занятой не меньше, чем мы были заняты в Испании, и притом в такой мере, как мы только могли желать; она испытывала, кроме того, затруднения страны, богатой продуктами, которые она не может экспортировать. Молдавия и Валахия, которых она надеялась оторвать от Турции, должны были занять ее надолго, а продолжение войны против Англии, которая закрывала все рынки сбыта для ее многочисленных продуктов, могло вызвать в России большие внутренние затруднения.

Война против Швеции, ставкой в которой являлась Финляндия, была, однако, действительным возмещением за приносимые Россией жертвы. В самом деле, России не приходилось торговаться насчет цены, уплачиваемой за такое важное приобретение у самых врат ее столицы, так как этот единственный случай осуществить заветные желания предшественников Александра повториться более не мог; но следовало ли в тот момент приносить в жертву этим собственным выгодам общие интересы, которые, казалось, были более насущными и которые при дальнейшем развитии сил и могущества Франции могли оказаться и более важными? Разве нельзя было, разве не нужно было примирить эти интересы с интересами Пруссии и Германии, от которых зависело будущее спокойствие всего мира? Вот в чем главнейший вопрос.

Те, кто не присутствовал при тогдашних спорах, кто не был посвящен в различные соображения, не позволившие достичь лучших результатов, будут обвинять петербургское правительство в том, что оно не сумело лучше использовать обстоятельства. Его упрекнули в том, что оно пожертвовало интересами всего мира ради соображений данного момента. Пусть об этом выносит свой приговор история; моя задача – рассказать, каковы были результаты конгресса и какие соображения побудили Россию подписаться под ними. Перемена ею своей системы после Тильзита оскорбляла общественное мнение и привычные взгляды дворянства. Недостаток рынков сбыта разорял ее. Затруднения, испытывавшиеся ее торговлей, и падение ее валюты создавали внутреннее расстройство, порождавшее оппозицию против политического курса, которого держалось правительство. Все эти мотивы вынуждали императора Александра добиваться от эрфуртского свидания результатов, которые могли бы произвести ошеломляющее впечатление на его нацию и привлечь ее на сторону его политического курса. Надо было оправдать в ее глазах не только союз, но также и войну с Англией и даже само эрфуртское свидание. Эта цель была достигнута. Свидание вызвало большую оппозицию в Петербурге. Императорская фамилия, вельможи и даже средний класс – все высказались против этого проекта. То, что было сделано в Байонне с членами испанского царствующего дома, дало повод для целого ряда оскорбительных предположений. Все умоляли императора не покидать Россию. Были пущены в ход все средства – просьбы, убеждения, слезы. Ему указывали, что, подвергая опасности собственную особу, он тем самым подвергает риску также и безопасность своего государства, что император Наполеон, приглашая его на свидание туда, где сам он и распоряжается и где находятся его войска, захватит его и будет держать в качестве заложника, что если уж необходимо во что бы то ни стало устроить свидание, то оно должно состояться, как это было в Тильзите, на пограничной меже. Император Александр с благородным негодованием отверг все эти предположения и отправился в Эрфурт.

Все германские государи – хотя это было допущено только из снисходительности – прибыли в Эрфурт, чтобы представиться союзникам-властелинам и образовать в некотором роде их двор. Сами властелины казались, однако, мало обрадованными этим вниманием, которое заставляло их терять много времени и мешало им обсуждать свои дела после обеда, за которым они встречались почти каждый день. Германские государи, даже короли, держали себя так скромненько, на такой равной ноге со всеми нами (если бы только мы могли забыть свой долг почтительности по отношению к ним), что положение часто становилось затруднительным.

Если не считать тех моментов, когда они надеялись, что их преклонение перед властелином мира будет принято благосклонно, то можно было сказать, что они боялись быть замеченными. Русский император оказывал весьма большое внимание своей невестке принцессе Стефании Баденской³². Ее изящество, ее остроумие, изысканность ее манер – все это очаровывало его. Он часто с удовольствием рассыпался перед нею в комплиментах. Впоследствии он делал то же самое и в Петербурге.

На конгрессе всеми приемами распоряжался император Наполеон, как государь, который находился у себя дома. Все прошло как нельзя лучше. Я сомневаюсь все же, что германские государи, приехавшие сюда расточать свои любезности, уехали, удовлетворенными прежде всего потому, что их присутствие, хотя оно и было, конечно, лестным, часто было в сущности стеснительным. Им давали порою заметить это. А кроме того, эти короли увидели, что с ними обращаются приблизительно так, как Австрия обращалась когда-то с германскими курфюрстами. Они могли, следовательно, убедиться, что если их новый титул избавил их от старинных функций, то, по существу, он ничего не изменил в их положении по отношению к их протектору.

Так как император вызвал из Парижа лучшие силы драматического театра, то почти ежедневно давался спектакль. Оба императора присутствовали на спектакле вместе. При этом были использованы все те возможности которые давало это единение высочайших особ. Император Александр воспользовался стихом: «Дружба великого человека – милость богов», – чтобы в самой изысканной форме публично воздать честь своему союзнику³³.

Императоры расстались, достаточно удовлетворенные своими соглашениями, но в глубине души недовольные друг другом. Тильзитские иллюзии полностью испарились, но так как и русский император и его министр открыто подчеркнули наряду с крайним недоверием желание сохранить союз как средство побудить Англию к миру и упрочить мир в Европе, то оба союзника продолжали идти к этой цели. Новые интересы России и преимущества, которые она рассчитывала извлечь из только что заключенных соглашений, превратили для нее эту цель в долг и в потребность.

Свою подлинную окраску дела приняли лишь в последние три дня. До тех пор даже сам министр³⁴ не знал всех мыслей императора Наполеона. Свое последнее слово Наполеон сказал лишь в момент подписания соглашения. Каждый день приносил перемену. Его величество жил, можно сказать, текущим днем, приспособляя свою политику и даже свои притязания к тем возможностям или препятствиям, которые встречались на его пути. В результате каждая сторона определила в точности свою позицию лишь в последний момент. Торопились кончить дело, потому что желание избежать новых инцидентов было не меньше желания поскорее уехать, и каждый закрывал глаза, чтобы не видеть того, что, может быть, потом будет справедливо поставлено ему в упрек.

Император Александр, которого в эту эпоху многие обвиняли в слепоте и слабости, проявил большой характер, что засвидетельствовал сам император Наполеон, часто жаловавшийся на это. Если бы Австрия – повторяю еще раз – объяснилась тогда, как она это сделала позже через посредство князя Шварценберга, который неуклюже изложил свои доводы лишь вместе со своим манифестом³⁵, то весьма вероятно, что мы избежали бы событий 1809 г., которые окончательно потрясли Европу.

Это был один из самых благоприятных моментов для того, чтобы прийти к подлинному умиротворению, так как при том положении, которое было создано событиями в Испании,

³² Стефания Богарнэ – племянница первого мужа Жозефины (первой жены Наполеона), удочеренная Наполеоном; в 1806 г. она вышла замуж за наследного принца Баденского, брата императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I.

³³ Это было на представлении «Эдипа» Вольтера.

³⁴ Министр иностранных дел Шампаньи, герцог Кадорский (1756–1834).

³⁵ Это было сделано Шварценбергом во время его миссии в Петербург в феврале 1809 г.

император Наполеон был готов идти на жертвы. Ему очень не хотелось отправляться в Испанию, и тем не менее он чувствовал, что только его присутствие могло ликвидировать или хотя бы сдвинуть с мертвой точки испанские дела. Немного больше согласия между великими державами, а со стороны Англии немного больше желания возратить миру спокойствие при сохранении всех тех преимуществ, на которые она имела право, – и соглашение было бы достигнуто. Франция возвратилась бы к системе, определенной теми рамками, которые начертала для нее природа, и на которую ей давало право ее могущество и ее слава. Судя по тому, что я мог тогда подметить, император прежде всего стремился к миру. Несомненно, он хотел иметь возможность располагать своими войсками, чтобы отправить их в Испанию, но у него не было другого средства с честью выйти из этого неприятного дела, поскольку Англия отказывалась вступать в переговоры. Что касается строгого проведения континентальной системы, то в тот момент это являлось лишь выводом из основной идеи.

Заключить мир еще до того, как Россия могла извлечь все выгоды, предоставляемые ей последними соглашениями, соответствовало его политике и казалось ему действительным возмещением за принесенные им жертвы. Он, конечно, очень беспокоился о контрибуции, причитавшейся с Пруссии, но Россия считала эту претензию справедливой и ограничивалась в этом вопросе ролью ходатая.

Трудность представлял лишь вопрос о сроке и характере залога, гарантирующего контрибуцию, но по тому вопросу было достигнуто соглашение. Император, по-видимому, действительно готов был идти на большие уступки, чтобы добиться общего мира. Существенная задача заключалась в том, чтобы использовать то настроение. При переговорах неминуемо было бы учтено все, так как каждый был вынужден считаться со своим соседом. Не подлежит сомнению, что всякое честолюбие сдерживалось бы великой целью – создать лучшие условия для спокойствия всего мира.

Угрозы Австрии, вместо того чтобы придать вес тем политическим взглядам, защита которых соответствовала как интересам России, так и ее проектам, затруднили и расстроили все ее комбинации и послужили только в нашу пользу.

– Могу ли я эвакуировать крепости на Одере, отказаться от моих позиций в Пруссии, словом, ослабить себя в Германии, – с полным основанием говорил император Наполеон императору Александру, – в тот момент, когда, пользуясь моими затруднениями в Испании, Австрия угрожает мне? Разве интересы союза в тот момент, когда мы намерены предпринять демарш большого значения, чтобы побудить Англию к миру, не требуют, чтобы мы казались объединенными, а я казался сильным нашему общему врагу, а также и Австрии, тоже намеренной сделаться моим врагом? Англия выскажет желание о прекращении оккупации в Пруссии, а также и в Испании, и можно будет сделать ей эту лишнюю уступку, а следовательно, будет лишнее средство для достижения мира. Может ли мой союзник, мой друг предлагать мне отказаться от единственной позиции, которая дает мне возможность угрожать Австрии с фланга, если она нападет на меня в тот момент, когда мои войска находятся на юге Европы в расстоянии 400 лье от своего отечества? То, что я готов был сделать четыре месяца назад, сегодня я уже не могу исполнить. То, что тогда служило бы интересам Пруссии, следовательно, и интересам союза, было бы теперь противоположно той цели, которую мы хотим осуществить. Дальнейшее оставление кое-каких войск в Пруссии не может беспокоить Россию, когда я удаляю все мои военные силы из Германии, чтобы перебросить их на Пиренейский полуостров. Эти меры доказывают мое доверие к вам. Имейте же и вы доверие ко мне и не разрушайте необоснованными опасениями добрый результат нашего согласия, результат, созданный моей военной политикой в тот момент, когда мы более чем когда-либо должны проявить свое единение и свою силу. Если бы вы этого потребовали, то я должен был бы на это согласиться, но тогда я предпочел бы пренебречь моими делами в Испании и незамедлительно ликвидировать мою ссору с Австрией. Если бы я эвакуировал крепости на Одере, то вы должны были бы эвакуи-

ировать крепости на Дунае. В ваших интересах остаться там, так как вы уверены, что тогда вы добьетесь уступки вам Молдавии и Валахии. Турция, видя, что она не может надеяться на какое-либо вмешательство с моей стороны, будет принуждена подписать те условия, которые вы ей продиктуете. Оккупация, которую я считаю нужной, служит, таким образом, гораздо больше вашим интересам, чем моим. Вы извлечете из нее впоследствии выгоды, тогда как мне на какие-либо выгоды надеяться не приходится.

Таковы были рассуждения, вызванные поведением Австрии и появлением ее представителя в Эрфурте. Что же касается результата, то французские войска остались в Пруссии, а русские – в Валахии. Австрия только испортила дело во всех тех случаях, когда она, по общему мнению, должна была содействовать урегулированию соответствующих вопросов.

Возвращаясь к переговорам монархов в Эрфурте. Как я уже сказал, беседы между ними были порою более чем оживленными. Однажды император Наполеон, который никак не мог добиться желаемого от императора Александра (речь шла об Австрии), попытался вспылить и, увлекшись, бросил свою шляпу или какую-то другую вещь на пол и стал топтать ее ногами; но император Александр остановился (надо заметить, что монархи почти всегда разговаривали, прохаживаясь по кабинету императора Наполеона), пристально посмотрел на него, улыбаясь, и, как только заметил, что он немного успокоился, что было делом одного мгновения, сказал ему:

– Вы вспыльчивы, а я упрям. Со мною ничего нельзя поделаться при помощи гнева. Будем говорить и рассуждать или же я ухожу.

При этих словах он взялся за ручку двери и сдержал бы свое слово, если бы император Наполеон не бросился вперед, чтобы его остановить. Беседа возобновилась в спокойном тоне, и император Наполеон уступил. Подобный инцидент повторился еще раз в связи с прусскими делами, но в менее острой форме, ибо, как мне говорил много раз император Наполеон, император Александр день ото дня становился все более тверд в своих решениях.

Эти подробности рассказывал мне сам император Наполеон, сказав при этом:

– Ваш император Александр упрям, как мул. Он притворяется глухим, когда речь идет о вещах, о которых он не хочет слышать. Дорого же мне обходятся эти проклятые испанские дела!

Император, который в этот день проявлял большое доверие и даже благосклонность ко мне, заговорил со мной затем о том указании, которое он хотел получить от императора Александра в качестве дружеского совета и знака внимания, а именно об указании на то, что ему подобает заключить новый брак и необходимо иметь детей, чтобы упрочить свое дело и основать свою династию. Император хотел, чтобы Талейран³⁶ или я повели об этом предварительный разговор с императором Александром как о деле, которого мы лично желаем и которое соответствует и общим нашим интересам, ибо оно упрочит наше будущее, а кроме того, будет способствовать успокоению воинственного пыла императора и внушит ему любовь к пребыванию у себя дома. Эти намеки должны были быть сделаны со всеми приличествующими деликатностями. Талейран тоже говорил со мной об этом и взял с меня слово, что я первый поставлю этот вопрос.

---

³⁶ Талейран-Перигор Шарль Морис, князь Беневентский, герцог Дино (1754–1838), происходил из старого дворянского рода, сперва был епископом Отенским; избранный депутатом в Генеральные штаты, поддерживал в Национальном собрании интересы крупной буржуазии. Сумел под благовидным предлогом уехать за границу, где пробыл все время якобинской диктатуры; вернувшись во Францию, был министром иностранных дел Директории, министром иностранных дел и обер-камергером императора Наполеона. Постепенно отходит от Наполеона и входит в тайные сношения с его врагами и Бурбонами. После поражения Наполеона в 1813 г. окончательно перешел на сторону Бурбонов, блестяще защищал их интересы на Венском конгрессе. Совершенно аморальный, подкупный мастер закулисной интриги, хитрый, беззастенчивый, ловко игравший на человеческих слабостях. Сумел без труда войти в доверие к Коленкуру своим участием к его личной драме (любовь к г-же Канизи) и сделал его одним из своих осведомителей. Изворотливость и хитрость его как дипломата вошли в поговорку.

Заметив, по-видимому, произведенное на меня тягостное впечатление, император Наполеон прибавил:

– Это для того, чтобы проверить, действительно ли Александр является моим другом, действительно ли он чувствует себя заинтересованным в счастье Франции, ибо ведь я люблю Жозефину³⁷. Я уже никогда больше не буду счастлив. Но таким образом будет выяснено мнение государей об этом акте, который был бы для меня жертвой. Моя семья, Талейран, Фуше³⁸, все государственные деятели требуют этого от меня во имя Франции. В самом деле, на любого мальчика больше можно положиться, чем на моих братьев; их не любят, и они не отличаются способностями. Вы укажете, быть может, на Евгения³⁹? Некоторые хотели бы этого, потому что он – вполне сложившийся человек, женат на баварской принцессе и имеет детей, но это не в ваших интересах. Новые династии не основываются посредством усыновления. У меня на него другие виды.

Император задал мне несколько вопросов о великих княжнах и спросил, что я о них думаю.

– Только одна из них, – ответил я, – достигла брачного возраста, но надо вспомнить, что произошло с вопросом о браке с принцем из шведского дома: на перемену религии они не согласятся⁴⁰.

Император возразил, что он не думает о великих княжнах, не принял еще решения и хочет лишь знать, будет ли одобрен его развод, не оскорбит ли такой акт взгляды русских и, наконец, что думает об этом император Александр. Он рассчитывал, – так мне казалось, – что эта идея может понравиться петербургскому правительству, что она окажется, может быть, увлекательной приманкой для России и что он намерен действовать в соответствии с тем, как отнесется к этому Россия.

Император, который очень легко мог бы направить разговор со своим союзником на эту тему, добивался и настаивал, чтобы император Александр первый заговорил с ним об этом. Он бесспорно надеялся, что Александр облечет этот предварительный шаг в достаточно красивые и любезные формы для того, чтобы он мог впоследствии найти в нем хотя бы косвенный намек на его сестру. Не могу умолчать, что мои замечания по поводу вопроса о религии и о Швеции встретили плохой прием. Они явно не понравились императору, который пожатием плеч и выражением лица дал мне понять, что между Тюильри и Стокгольмом не может быть никакого сравнения.

Талейран говорил с императором Александром после меня. Нам нетрудно было добиться от него обещания поговорить с императором Наполеоном о той мере, которая была в наших интересах, а вместе с тем, внося успокоение, в такой же степени соответствовала интересам Европы, как и интересам Франции. Он сделал это со всей той любезностью, которую ему вну-

---

³⁷ Жозефина (1763–1814) – императрица Франции, креолка из дворянской семьи Таше де ла Пажери острова Мартиники, сперва замужем за генералом Александром Богарнэ; после его казни, оставшись с двумя детьми, Евгением и Гортензией, делается фавориткой всемогущего члена Директории Барраса; выходит замуж за генерала Наполеона Бонапарта в 1796 г.; императрица Франции с 1804 г.; получила развод в 1809 г.

³⁸ Фуше Жозеф, герцог Отрантский (1759–1820), происходил из зажиточной буржуазной семьи, сперва был священником и преподавателем, потом примкнул к революции, сложил священнический сан, был членом Конвента и комиссаром его, выказывал себя атеистом и проводил политику революционного террора в центральных и западных департаментах, потом участник контрреволюционного переворота 9 термидора. В эпоху Директории сближается с крупными спекулянтами и закладывает основу своего богатства. При Наполеоне – министр полиции и министр внутренних дел. Холодный, цинично расчетливый, организатор гигантской системы политического шпионажа. После сдачи Парижа перешел на сторону Бурбонов, вновь перешел на сторону Наполеона, вернувшегося с Эльбы, и был его министром полиции. После Ватерлоо вновь переходит на сторону Бурбонов, прокладывая дорогу для второй реставрации. Изгнанный из Франции в числе голосовавших за казнь короля Людовика XVI, умер в Триесте под надзором австрийской полиции. Оставил многомиллионное состояние.

³⁹ Евгений Богарнэ – вице-король Италии (1781–1824), сын Жозефины от первого мужа. Талантливый генерал, участвовал во многих наполеоновских походах.

⁴⁰ Речь идет о несостоявшемся браке между сестрой Александра I Марией Павловной и шведским королем Густавом IV Адольфом. Мария Павловна в 1804 г. вышла замуж за великого герцога Саксен-Веймарского.

шала его приязнь к нам, но, как он мне сказал, ограничился лишь общей формулировкой тех соображений, которые политическая мудрость и интересы будущего должны были бы внушить Наполеону⁴¹.

Надо заметить, что еще год тому назад, когда я уезжал в Петербург, вопрос о разводе усиленно обсуждался в Фонтенбло, и полиция распространяла идею брака с француженкой, что не устраивало никого. Эту идею выдвинул герцог Отрантский, чтобы позондировать почву в общественном мнении и выяснить планы императрицы Жозефины, а также для того, чтобы приучить Францию к мысли об этой перемене.

При отъезде императора я выехал вместе с императором Александром через Веймар и Лебикау, чтобы посетить герцогиню Курляндскую. При этом посещении я устроил брак ее дочери с Эдмондом де Перигором⁴² благодаря почетному содействию русского государя. Он был так добр, что вез меня в своем экипаже до Лейпцига, где я пересел в свой и поехал в Петербург, чтобы пробыть там еще один год, если император сдержит слово, которое он мне дал при отъезде.

Я опускаю все те события, которые последовали за эрфуртским свиданием, вплоть до момента, когда разразилась война с Австрией, для предотвращения которой я делал все, что мог. Об этих событиях, как и о последовавших за ними, будет речь в другом месте.

Так как заключение мира с Австрией⁴³ изменило политический курс императора и пролило яркий свет на эволюцию его взглядов и проектов, касающихся Польши, и так как оккупация Ольденбурга⁴⁴, формы этой оккупации, да и все остальное расходилось с неоднократно вознесенными намерениями императора, то отныне все противоречило и моему тону и моему образу действий, от которых я не хотел отступать; я настойчиво просил поэтому о своем отзывании. Я не мог помогать обманывать того, кто проявил такую лояльность в момент, когда наше положение в Испании было критическим, того, кто был столь искренним в своих отношениях с другими и столь верно соблюдал свое слово, когда принимал на себя какие-либо обязательства. Так как моя настойчивость не помогла мне добиться отзыва, то я притворился больным и объяснился с императором и прямо и косвенно – через моих друзей столь определенным образом, что он вынужден был решиться заменить меня, чтобы избежать взрыва, который привел бы к дурному результату, ибо я решил во что бы то ни стало отказаться от этого посольства.

Так как я не подражал пристрастной политике министерства и не желал подлаживаться к намерениям императора, искавшего предлогов для оправдания своего охлаждения к русскому правительству и своих придинок к нему, то мои донесения не нравились ему. Ими не могли быть довольны, так как уже давно я старался избегать в своих депешах всего того, что могло быть ошибочно понято или содействовать ложным толкованиям. Я излагал факты беспристрастно и откровенно. Когда это было уместно, я воздавал должное образу действий русского правительства. Я сообщал также об его жалобах, не беспокоясь о том, не заденет ли моя

⁴¹ С этого времени начинается переход Талейрана на сторону врагов Наполеона.

⁴² Талейран-Перигор Эдмонд де – племянник знаменитого французского дипломата Шарля Мориса Талейрана; он сопровождал Коленкура в Россию в качестве атташе посольства и во Франкфурте-на-Майне женился на Доротее Бирон, дочери герцога Курляндского.

⁴³ Война с Австрией была закончена перемирием в Цнайме 12 июля 1809 г., за которым последовал Венский (Шенбруннский) мирный договор 14 октября того же года.

⁴⁴ Сенатус-консульт (т. е. постановлением сената) от 13 декабря 1810 г. германское побережье Северного моря до Эльбы было объявлено присоединенным к Франции; Наполеон предложил герцогу Гольштейн-Эйтенскому, дяде Александра I и опекуну великого герцога Ольденбургского (женатого на сестре Александра I, Екатерине Павловне), чтобы герцог либо оставался в Ольденбурге, подчинившись ограничениям, связанным с введением французских таможен, либо покинул Ольденбург, взамен чего он должен был получить в виде компенсации Эрфурт. Правительство великого герцога предпочло оставаться в Ольденбурге, но Наполеон декретом от 22 января 1811 г. приказал французской администрации принять на себя управление Ольденбургом. Это являлось нарушением статьи 12 Тильзитского договора; российское правительство заявило протест перед всеми европейскими монархами; Шампаньи отказался принять ноту протеста.

откровенность императора. Министры иностранных дел и полиции наводняли Россию особыми агентами, задача которых заключалась в том, чтобы обострять настроения и попытаться собрать материалы для манифестов⁴⁵, они не могли добыть ничего подходящего. Они установили новую незашифрованную переписку по почте с генеральным консулом. От него требовали, чтобы он посылал еженедельно две депеши с сообщениями о политике, торговле и слухах. Мне тоже писали по почте в стиле, предназначенном для того, чтобы злить и раздражать.

Эти средства не имели никакого успеха. Генеральный консул Лессепс, человек добросовестный и честный, ни в каком отношении не изменил своему долгу. Как и я, он не скрывал ничего. Наше министерство не могло найти того, что оно искало в его правдивых и беспристрастных сообщениях, и его депеши, в отличие от депеш большинства его собратьев, не содержали таких новостей и подробностей, которые могли бы заполнить бюллетени в желательном духе; он не раз получал выговоры, и, когда я приехал в Париж, я увидел, что этот доблестный человек находится на таком же плохом счету, как и я. Император собственной рукой вычеркнул ежегодную денежную награду, которую получал Лессепс от морского министерства за свои закупки. Возникал даже вопрос о том, чтобы его сместить. Его 30-летняя служба, его всем известные честность и благородные убеждения – все это было совершенно забыто в тот момент. Несмотря на скромный образ жизни, он не имел состояния, так как должен был тратить на представительство и был отцом восьми детей; он мог поэтому с минуты на минуту оказаться без куска хлеба.

Русское правительство не поддалось на происки наших министров и не переменяло ни своего курса, ни даже своего отношения к нам. Император Александр и граф Румянцев бесстрастно относились к этим атакам. Они не изменили даже своего тона.

– Мудрость государей, – не раз говорил мне император Александр, – должна сделать так, чтобы судьба управляемых ими наций не зависела от интриг и тщеславия тех или иных смутьянов. Императора Наполеона подстрекают. Но время разъяснит все это. Если он хочет воевать со мной, то первый пушечный выстрел сделает он.

Все, что мне писали из Парижа, все, что мне становилось известным, не могло оставить во мне ни малейшего сомнения по поводу раздражения, которое император Наполеон питал против меня. Не имея возможности придаться к моему поведению или к моей деятельности, он отомстил мне на моих друзьях и выслал мадам де К...⁴⁶, которую он назначил без всякой с ее стороны просьбы придворной дамой, когда вступил в брак с императрицей Марией-Луизой. В ту пору он ее очень отличал и назначал для участия во всех поездках, желая, очевидно, доставить мне удовольствие, так как тогда я был ему полезен в России. Эта новость, которую я получил за некоторое время до отъезда из Петербурга, окончательно прояснила мне характер политических планов императора и мое собственное положение. Сообщая мне об этом, добавляли, что я должен быть готов ко всему, и если император и не сошлет меня, то наверное даст мне почувствовать свое недовольство как-нибудь иначе. Но так как мне одновременно сообщали о предстоящем выезде Лористона⁴⁷, который должен был меня заменить, то я нашел, что, поскольку речь идет обо мне, в этих известиях есть для меня компенсация: замена меня другим лицом при сложившихся обстоятельствах была мне дороже всего, ибо политическое бремя, возложенное на меня, было тягостным для моих принципов и убеждений.

Лористон действительно приехал через некоторое время⁴⁸. Его путешествие продолжалось долго, потому что император поручил ему проехать через Данциг, чтобы ознакомиться с состоянием войск и военных приготовлений, несомненно, с той целью, чтобы придать его

⁴⁵ Яркое доказательство двойной политики Наполеона (тайная, личная, наряду с официальной) и его обдуманного заранее плана войны с Россией.

⁴⁶ Г-же де Канизи, разошедшейся с мужем, в конце 1810 г. было предложено проживать в Нормандии у своего отца.

⁴⁷ Лористон (1768–1828) – маркиз, генерал. Наполеон пользовался им для дипломатических поручений.

⁴⁸ Лористон приехал в Петербург 9 мая 1811 г.

миссии немного враждебный характер; во всяком случае это было замечено в Петербурге и, следовательно, было вдвойне неприятно для Лористона, прямого и лояльного которого подверглись тяжкому испытанию с самого начала.

Я оставался с ним несколько дней, как это мне было приказано, и наконец отправился в путь⁴⁹. Совесть моя была спокойна, так как я добросовестно служил императору и говорил ему правду, и я поспешил в Париж, куда приехал 5 июня в девять часов утра. Один из моих друзей встречал меня около Шалона. Его рассказы о намерениях императора и о его раздражении против меня отнюдь не были приятными или успокоительными. Существовало, однако, мнение, что серьезные интересы, а также и положение дел в Испании, которое, согласно последним сведениям, отнюдь не было удовлетворительным, заставляет императора отложить его враждебные проекты против России, и война, которую месяц тому назад считали неизбежной, будет отсрочена. Эту перемену приписывали сообщениям из Испании и делали отсюда вывод, что император будет на публике относиться ко мне более или менее хорошо, чтобы рассеять мнение о разрыве с Россией, которого ожидали некоторое время тому назад, причем общественное мнение было достаточно встревожено этим.

У меня были, признаюсь, печальные размышления о положении человека, оскорбленного в своих самых дорогих чувствах, спокойствие которого находится под угрозой за то, что он хорошо и добросовестно служил своему государю и отстаивал, как подобает честному человеку, интересы своей страны.

В 11 часов я уже был в Сен-Клу, где находился император⁵⁰. Его величество принял меня сухо, тотчас же с горячностью перечислил мне свои так называемые обиды против императора Александра, не делая никакого упрека лично мне. Он говорил об указе о торговле⁵¹, о допущении в страну граждан нейтральных государств и американцев, которое, по его словам, противоречит континентальной системе. Он прибавил, что император Александр фальшивит, что он вооружается для войны с Францией и что войска, находившиеся в Молдавии, двигаются к Двине. Император повторил мне все сказки и басни, которые фабриковались в Данциге, в Варшавском герцогстве и даже в северной Германии, чтобы доставить ему удовольствие, сказки и басни, лживость которых так часто доказывалась ему сведениями, полученными затем на месте, или даже самими событиями.

Я отвечал на все фактами, уже упоминавшимися в моих депешах, которые он читал, фактами, доказывавшими, что указ явился результатом плохого состояния валюты; получать товары из-за границы в России не хотели, так как они извлекали бы из страны всю валюту, поскольку нельзя было продавать свои продовольственные продукты; внезапное запрещение ввозить даже в Германию товары, которые Россия поставляла прежде и ей и Франции, также в некоторой степени содействовало изданию указа. По вопросу о допущении нейтральных судов я повторил то, что его величество знал так же, как и я, а именно: так как он продавал лицензии⁵² и открыто допускал в течение последних полутора лет в наши порты корабли, которые имели эти лицензии и приходили прямо из Англии, то это открыло глаза всему миру, и нельзя было сделать слепыми правительство и жителей страны, которая страдала от отсутствия вывоза в такой мере, как Россия.

Я ответил, что государственный кредит пострадал от этого до такой степени, что рубль, который в момент моего приезда в Петербург стоил 2 франка 90 сантимов, упал до 1 франка 50 сантимов; трудности, переживаемые торговлей, живо ощущаются в стране, имеющей продук-

---

⁴⁹ Коленкур вручил свои отзывные грамоты Александру I 11 мая и выехал из Петербурга 19 мая 1811 г.

⁵⁰ Коленкур явился к Наполеону 5 июня 1811 г.

⁵¹ Тариф 31 декабря 1810 г. частью запрещал ввоз предметов роскоши, частью повышал пошлины на них и одновременно снижал пошлины на колониальные продукты.

⁵² Продававшиеся французским правительством лицензии давали торговым судам право заходить в Англию при условии перевозки только тех товаров, которые разрешалось завозить в континентальные порты.

цию, которую она сама не может потребить и размеры которой усложняют ее вывоз; при наличии привычки к потреблению колониальных продуктов, особенно сахара, даже если бы император Александр пожелал, он не мог бы осуществить абсолютный запрет, который довел бы цену на сахар до необычайных размеров и благоприятствовал бы контрабанде; между тем всем прекрасно известно, что мы уже давно не придерживаемся этого запрета, ибо наши лицензии дошли даже до русских портов, словно для издевательства над трудностями, переживаемыми торговлей этой страны. Я напомнил ему дело с судном «Вильям Густав» из Бордо⁵³.

Я обратил его внимание на то, что он не прибегнул ни к одному из возведенных средств, не осуществил ни одной из мер обещанной помощи, что 15 миллионов, которые должны были пойти на русские морские вооружения и о которых он мне поручил объявить, до сих пор не были отпущены. Я указал ему, что, – как видно из переписки, – все меры, на которые он жаловался, были давно предвидены заранее, а он ничего не сделал для того, чтобы их предупредить; император Александр с самого начала называл монополией производимые нами конфискации всех нейтральных грузов без всякого различия и заявлял, что он не станет разорять своих подданных, чтобы обогатить свою казну. Я отметил также, что нейтральные суда допускали отнюдь не тайком, как говорил его величество; конфисковав более 60 судов, заходивших в Англию, русское правительство заранее объявило, что вследствие перемены, которую мы несколько времени тому назад внесли в нашу систему, принятую по общему соглашению и все еще действующую, оно отныне будет после тщательного обследования принимать суда, которые докажут, что они действительно являются нейтральными и не заходили в Англию. Я перечислил многочисленные грузы, конфискованные только потому, что суда делали остановку в Англии. Я рассказал о впечатлении, произведенном сообщениями наших газет о допущении в наши порты судов из Англии, обладающих лицензиями.

Что касается характера императора Александра, то я напомнил, что Александр признал короля Иосифа в тот момент, когда наши дела в Испании были плохи и он знал, что Иосиф находится под угрозой⁵⁴. Что же касается передвижения войск, находившихся в Молдавии, то я указал на сделанное императором Александром Лористону предложение послать своего адъютанта для объезда всей линии турецкого фронта, начиная хотя бы даже с Киева, чтобы убедиться в том, где находится каждый из полков, о которых говорили, что они посланы на границы герцогства Варшавского. По вопросу же о других передвижениях войск я просил его величество, чтобы он приказал вновь представить на его рассмотрение ту часть моей корреспонденции, которая перечисляла их. Я отметил также, что император Александр, жалуюсь мне на передвижение наших войск, часто сообщал мне о тех передвижениях, которые он в связи с этим производил сам, добавляя: «Я ничего не делаю тайком. Я ничего не устраиваю на моих границах, но я принимаю меры для того, чтобы не быть во время мира захваченным врасплох передвижениями французских войск в районе, находящемся на 300 лье дальше границ их союзников».

Я напомнил императору, что он заключил последний мир с Австрией, мало считаясь с Россией.

– Я ей дал 300 тысяч душ. Это больше, чем она завоевала⁵⁵.

⁵³ Корабль «Вильям Густав» принадлежал Гийо, купцу из Бордо, прибыл в Россию в 1810 г. под флагом нейтрального государства. Перед тем заходил в Англию и, естественно, возбудил подозрение, что везет груз от лондонской фирмы Фавенн. Был секвестрирован согласно положению о континентальной блокаде русскими властями. Но так как он представил французские лицензии, то Коленкуру удалось добиться освобождения этого корабля. Яркий пример использования лицензий и флага нейтрального государства для обхода континентальной блокады.

⁵⁴ Россия признала Жозефа Бонапарта, брата Наполеона I, испанским королем в июле 1808 г.

⁵⁵ По Венскому (Шенбруннскому) договору 14 октября 1809 г. Австрия обязывалась уступить России восточную часть Галиции; численность населения этой территории определялась договором в 400 тысяч человек.

– Несомненно, государь. Но в данном случае форма спасла бы сущность дела. Лучше было бы, если бы ваше величество не дали ничего.

Я указал ему на неизбежные последствия этого дела и напомнил об отказе ратифицировать конвенцию о Польше⁵⁶, хотя она была не чем иным, как результатом сделанного им предложения и тех распоряжений, которые он мне давал. Я говорил об явных отправках оружия и пушек в Варшавское герцогство, о которых открыто писали наши газеты, об ольденбургском деле, о встречах императора, о произведенных и возведенных переменах в Германии, о стиле министерской переписки по почте, обострявшем положение больше, чем пушечные выстрелы, о толпе нескромных агентов, нахлынувших в Россию со всех сторон, чтобы раздражать и сорить. Я не скрыл, наконец, от императора, что если он хочет войны, то его кабинет сделал все для того, чтобы к ней привести, и даже для того, чтобы надменно возвестить о ней, но если считают полезным сохранить союз, то я не понимаю, для чего нужны все эти булавоочные уколы.

Император был очень резок со мной и сказал, что император Александр и русские оставили меня в дураках, что я не знаю о происходящих событиях, что маршал Даву лучше осведомлен, чем я, что генерал Рапп лучше, чем я, держит его в курсе дела и т. д.⁵⁷ Я ответил, что пусть другие раздувают огонь, повторяя нелепые сказки каких-либо низших агентов, желающих оправдать свое жалованье; я убежден в точности своих сообщений и тех сведений, которые я имею честь вновь ему доложить; я готов отдаться под арест и положить свою голову на плаху, если донесения Лористона и сами события не подтвердят все, что я сообщал и что я ему говорю.

Не знаю, навела ли императора моя уверенность на какие-либо серьезные размышления, но он хранил молчание по крайней мере в течение четверти часа и расхаживал по своему кабинету, не произнося ни слова. Наконец он промолвил:

– Значит, вы думаете, что Россия не хочет войны, что она останется в союзе и примет меры для поддержки континентальной системы, если я удовлетворю ее в вопросе о Польше?

– Вопрос, – ответил я, – уже не ограничивается Польшей. Тем не менее я нисколько не сомневаюсь, государь, что там были бы весьма удовлетворены, если бы ваше величество удалили из Данцига и из Пруссии по крайней мере наибольшую часть тех войск, которые собраны там, как полагают, исключительно против России.

– Значит, русские боятся? – сказал император.

– Нет, государь, но как рассудительные люди откровенно объявленную войну они предпочитают положению, которое не является действительным миром.

– Что же, они хотят предписывать мне законы?

– Нет, государь.

– Однако требовать, чтобы я эвакуировал Данциг для удовольствия Александра, – это значит диктовать мне свою волю.

– Император Александр не требует ничего, очевидно, потому, чтобы не сказали, что он угрожает. Однако он учитывает все, что произошло после Тильзита, и полагает, что если армии вашего величества находятся на русской границе в 300 лье от ваших границ, то это отнюдь не согласуется с желанием сохранить союз. Я мог видеть, что возбуждает беспокойство. Я могу поэтому сказать вашему величеству, что внесло бы успокоение.

---

⁵⁶ Конвенция была подписана Коленкуром и Румянцевым в Петербурге 4 января 1810 г. Статья 1 конвенции гласила: «Королевство Польша никогда не будет восстановлено». Наполеон отказался ратифицировать конвенцию в этой редакции, и по его приказанию 10 февраля Коленкуру был послан другой проект, где этот текст был заменен другим: «Император Наполеон обязывается не благоприятствовать какому бы то ни было предприятию, клонящемуся к восстановлению королевства Польши». Российское правительство не подписало конвенции в новой редакции.

⁵⁷ Маршал Луи Николай Даву, князь Экмюльский (1770–1823) – один из самых талантливых маршалов Наполеона, победитель при Ауэрштедте, был назначен генерал-губернатором Гамбурга 1 декабря 1810 г. Генерал Рапп (1772–1821) был назначен губернатором Данцига 2 июня 1807 г. Впоследствии герцог Данцигский (генерал Рапп действительно начальствовал над Данцигом, но герцогом Данцигским был маршал Лефевр).

– Скоро я должен буду просить у императора Александра разрешения на устройство парада в Майнце!

– Нет, государь, но парад в Данциге задевает его.

– Я предложил ему возмещение за Ольденбург. Он презрительно отверг его. Я предложил соглашение по поводу герцогства Варшавского; но его больше не пожелали.

– Ваше величество изгнал родственника императора герцога Ольденбургского из его владений в тот момент, когда сын герцога женился на сестре императора. Мог ли он сделаться префектом вашего величества в Эрфурте⁵⁸? Не значило ли это оскорблять все приличия и даже создавать новый источник постоянных трений между обоими дворами? От вашего величества не могло укрыться, что благоразумие и приличие побуждали воздержаться от этого.

– Русские очень возгордились.

– На сей раз мой долг возражать вашему величеству. Я не одобряю и не порицаю; я рассказываю. Ваше величество рассудит – должны ли все эти обиды, как бы они ни были обоснованы, привести к решению об отказе от выгод союза.

– Со мной хотят воевать, говорю вам.

– Та деликатность, с которой они представляют объяснения, доказывает, что они не хотят ни воевать против вашего величества, ни предписывать вашему величеству законы, но все доказывает мне также, что там не хотят принять ваше величество у себя.

– Русские хотят заставить меня эвакуировать Данциг. Они думают водить меня за нос, как водили польского короля! Я не Людовик XV⁵⁹; французский народ не потерпел бы такого унижения.

Император повторил несколько раз с горячностью, что французский народ не потерпел бы этого унижения, потому что он не Людовик XV, потом последовало довольно продолжительное молчание, которое он нарушил, обращаясь ко мне со словами:

– Вы, значит, хотели бы унижить меня?

– Ни ваше величество, ни Францию, – ответил я. – Ваше величество спрашивает меня о способах сохранения союза и ваших добрых отношений с Россией; я указываю эти способы.

– Вы советуете мне это унижение?

– Да, государь, я советую возвратиться к тому положению, в котором вы находились после Эрфурта. Я не вижу в этом унижения, если вы, ваше величество, хотите сохранить мир и союз. Если же ваше величество считает, что политическое восстановление Польши более соответствует вашим интересам, то, так как это восстановление несовместимо с союзом с Россией, мои объяснения и мои замечания становятся беспредметными. Тогда надо рассуждать по-иному, и в этом случае мое мнение не может быть полезно вашему величеству.

– Я вам уже сказал, что я не хочу восстанавливать Польшу.

– Тогда я не понимаю, ради чего ваше величество пожертвовали своим союзом с Россией!

– Это Россия разорвала его, потому что ее стесняет континентальная система.

– Это уже другой вопрос. Я не могу здесь высказываться в качестве стороны, но вашему величеству хорошо известно, что в Петербурге мы все еще искренне придерживались континентальной системы и идей Тильзита, тогда как уже в течение шести месяцев французские суда, обладающие лицензиями, возвращались с грузами из Англии.

Император улыбнулся и потянул меня за ухо, говоря:

– Вы значит влюблены в Александра?

– Нет, государь, но я стою за мир!

---

⁵⁸ См. ссылку 44.

⁵⁹ При Людовике XV попытка вернуть его тестя Станислава Лещинского на польский трон благодаря России окончилась неудачей.

– И я тоже, – возразил император, – но я не хочу, чтобы русские приказывали мне эвакуировать Данциг.

– Так они и не говорят. Император Александр, когда я расставался с ним, сказал мне: «Император Наполеон знает обо всем, что являлось посягательством против союза, обо всем, что беспокоит Европу, обо всем, что приобрело угрожающий и даже враждебный характер по отношению к его союзнику. Если союз еще полезен для него, то он лучше кого бы то ни было будет знать, что необходимо для его сохранения. Нынешнее положение вещей не может продолжаться, так как нужно, чтобы союз был выгоден для обеих сторон, а с тех пор, как ваши войска стоят на моих границах, в состоянии мира нахожусь лишь я один. Если я еще не потребовал объяснений по поводу всего происшедшего, то потому, что я надеюсь, что император Наполеон, лучше уяснив свои действительные интересы, возвратился к мерам, более соответствующим объединившему нас союзу. Если бы этот союз не должен был побудить Англию к миру и тем самым гарантировать успокоение всего мира, то я принял бы уже свое решение».

– Это и есть рассуждения, при помощи которых вас надули, потому что он их пересыпает любезностями. Ну, а я – старая лисица; я знаю византийцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.